

Мое условие судьбе

Автор:

Евгения Михайлова

Мое условие судьбе

Евгения Михайлова

Детектив-событиеЧастный детектив Сергей Кольцов

Дина считала Артема своим Пигмалионом, ведь благодаря ему она стала известной телеведущей. Но они с Артемом давно развелись и теперь всего лишь коллеги. Дина уже несколько лет вдова другого мужчины и готова на все, чтобы его убийца был найден...

Анна любила Артема и ненавидела Дину. Она была уверена, что тот до сих пор не разлюбил бывшую жену и, пока Дина жива, у Анны нет никаких шансов...

Людмила привыкла быть сильной и уверенной в себе бизнесвумен. И старалась не вспоминать события трехлетней давности, когда сначала она лишилась мужа, а затем дочери. Но забывать, что виновата в этом Дина, не собиралась...

Если противостояшь злу, насилию и ненависти, невозможно остаться в белых перчатках. Но главное – сохранить чистоту в душе...

Евгения Михайлова

Мое условие судьбе

© Михайлова Е., 2016

* * *

Все события и персонажи романа вымышленны

Часть первая

Назад

Эта женщина в окне

в платье розового цвета

утверждает, что в разлуке

невозможно жить без слез.

Булат Окуджава

Глава 1

Дина сидела на темно-лиловом мягком диване и смотрела на бесконечно пустую, обнаженную стену. Она не могла отвести взгляд. Не могла встать или повернуть голову в другую сторону. Когда стемнело, Дина не смогла включить свет. Ей казалось, что она вся сейчас – мозг, память. Нельзя тратить силы даже на слишком глубокий вдох. Нужно, не поднимаясь, начертить взглядом на этой голой стене карту того, что случилось с ними со всеми. С ней, Вадимом, с этой стеной и, главное, с зеркалом... Дину не оставляла мысль, что дело именно в зеркале. Ведь оно видело больше, чем она.

В эту небольшую, двухкомнатную, очень уютную, теплую и светлую квартиру в одном из немногих зеленых мест Москвы на Юго-Западе они с Вадимом переехали два года назад. Он купил квартиру сразу после их свадьбы. Они вдвоем взволнованно выбирали: чтобы и добираться удобно в любое место, чтобы район потише, чтобы в окна смотрели деревья, а под ногами была трава рядом с подъездом. И, конечно, чтобы хватило денег, которые они получили, продав две свои однушки.

Дина и Вадим познакомились в новостной редакции частной телекомпании, которая принадлежала первому мужу Дины, опытному телемагнату, сильному, властному человеку, всегда позволяющему себе право независимого голоса. Времена бывали разные, ему угрожали, его шантажировали, на него покушались, но Артем понимал, что он не просто человек, а дело. И его страх, приспособленчество – это смерть дела, что гораздо трагичнее в глобальном масштабе, чем смерть одного человека. Во имя дела он стал и серьезным финансистом. Право независимого голоса может держаться лишь на таком цементе, как деньги. Иначе сметут.

Дина была жемчужиной в тщательно подобранном коллективе. Выпускница факультета журналистики МГУ, она обладала всеми качествами, которые нужны для того, чтобы маленькая авторская передача стала сенсацией. Дина сама писала тексты, всегда была взволнованной и эмоционально яркой. И ее особенную красоту любила камера. Передача Дины длилась ровно пять минут, но пользовалась популярностью и держалась на плаву уже пять лет. Запись эфира на следующий же день разносилась по интернету, редакция получала восторженные отклики от просвещенной аудитории и самые дорогие для журналиста отзывы: звонки простых, в чем-то очень несчастных людей, которым показалось наконец, что их заметили, что на их защиту встали. «Ох. Спасибо. Такая девочка... Я плакала потом всю ночь. Носки вот вяжу этой журналистке», – говорила какая-нибудь бабушка. Но бывали и оскорбления, и грязь, и агрессивная зависть. Обратная сторона успеха.

А семейная жизнь Дины и Артема потерпела крах. Для семейной жизни они оба были слишком независимы. Когда развелись, Дина поставила бывшему мужу условие: никаких денег, кроме зарплаты. «Иначе уйду из телекомпании». И переехала в бабушкину однокомнатную квартиру на окраине Москвы.

И Артем, и Дина были настолько профессионалами, что мучительный разрыв – ведь они оба оборвали по-прежнему страстное влечение во имя мифической

свободы личности – не сказался на их совместной работе. На трудовом фронте они остались незаменимыми друг для друга.

Дина не знала, как переживает их расставание Артем, он всегда делал шаг только вперед и не оглядывался. А она... Ей было очень тяжело. Возвращалась домой, отключала телефоны и металась в тоске, боялась ночи, подушки, сна. Плакала навзрыд. Не от любви, а потому, что не знала настоящего одиночества. Артема было так много в ее жизни, что она сначала рвалась, чтобы вздохнуть на свободе, а потом оказалось, что вроде бы только муж заполнял ее жизнь. Казалось, без него дышать невозможно. Дина вставала задолго до рассвета, чтобы привести себя в порядок, чтобы даже гример Надя ничего не заметила. А покрасневшие глаза – так это общая проблема. Софиты...

Так она и жила. Больные вечера и ночи, полноценный рабочий день, заполненный вдохновенным гневом и вдохновенным лиризмом. Дина чувствовала свою аудиторию, умела с ней говорить, как никто, что-то объяснить, дать бой тем, кто, болтаясь у этой, столь во многом обездоленной аудитории на шее, объявляет себя властелином жизни. Ее большие темные глаза, которые на экране выглядели еще выразительнее, чем в жизни, смотрели на зрителей так, что каждый чувствовал себя ее единственным слушателем, молчаливым собеседником. Писали программу, как правило, не больше двух дублей. Каждый около получаса. Оставляли при монтаже пять минут. Знаменитые, любимые всеми пять минут.

После записи Дина тщательно смывала грим, расчесывала укладку, надевала джинсы, джемпер, куртку с капюшоном и отправлялась домой. Возле дома заходила иногда в магазин за какой-то готовой едой в пластиковых упаковках. Покупала кофе, молоко, фрукты. Ее редко узнавали здесь, в этом отдаленном районе, мало кто и смотрел их частный канал. Большинству хватало федеральных.

Но однажды Артем объявил редакции, что уволил заведующего из-за «неспособности к развитию». Был у Артема такой жестокий и окончательный приговор. И на следующий день вошел утром в комнату редакторов, где Дина правила свой текст, новый заведующий. Потом они с Вадимом часто вспоминали то утро. Как он вошел...

В комнате было несколько человек, еще никто не произнес ни слова, Дина просто почувствовала, как что-то изменилось, как регулярная деятельность

вдруг прекратилась. Люди перестали стучать по клавишам, буднично переговариваться и даже начали иначе дышать. Дина подняла голову и увидела высокого кареглазого мужчину, который смотрел, улыбаясь, именно на нее. И сказал ей: «Здравствуйте, Дина», а потом уже общее приветствие всем:

– Доброе утро, коллеги. Я – новый заведующий, прошу прощения за это слово, оно мне самому не нравится. Просто так написано в контракте. А вообще, я просто ваш новенький, зовут меня Вадим Николаевич Долинский. Надеюсь, вы поможете мне войти в курс дела, посвятите в свои планы. Пока я хорошо знаком только с творчеством нашей звезды. Исключительно как влюбленный зритель.

– Ну и заявочки у вас, гражданин начальник, прошу прощения и за эти слова, – улыбнулся второй ведущий Дима, который готовил выпуск на завтра, – так сразу объявили, что все остальные, кроме Дины, для вас просто тьфу.

– Нет, конечно. Ни в коем случае. Я просто выступил как зритель. Воспользовался, так сказать, случаем. А как сотрудник редакции я немного имею представление о том, что делаете вы все, а что будем делать дальше, решим вместе. Очень надеюсь на вашу помощь.

И потом какие-то дни, довольно много дней они просто общались по работе, Дине было легко с ним обсуждать все вопросы. Вадим умел замечать такие тонкие вещи, делать мягкие замечания, на первый взгляд мелкие, но они меняли все... И ничего не происходило, все было, как обычно у нее без Артема. Только... Такое значительное «только», о котором она даже не думала. Старалась не думать. Вечера и ночи стали другими. Она вспоминала прошедший день и вновь чувствовала, как ласкает ее и греет карий горячий взгляд. А ведь Вадим вовсе на нее и не пялился. О них даже никто не сплетничал. Но что-то между ними было, об этом знала только она. Но даже не думала о каком-то продолжении того, чего на самом деле вроде и нет, не хотела никаких продолжений. Пусть так.

...Вдруг в прихожей, где тоже еще не был включен свет, раздался сначала шорох, потом шум, какой бывает при борьбе без звука. Дина резко встала, зажгла в комнате люстру и выбежала в прихожую, по пути нажимая остальные выключатели.

Через четыре месяца совместной работы Дина и Вадим вроде бы случайно вышли из редакции вместе. Было уже темно, шел дождь. Дина надвинула капюшон почти на глаза. Артем когда-то говорил, что он ненавидит женщин в капюшонах. Они напоминают ему американское тайное общество ку-клукс-клан, а когда переходят дорогу, не в состоянии посмотреть ни вправо, ни влево. «Задумается о своей кухне и прет напролом под колеса, – раздраженно говорил Артем. – Имел сегодня шанс раздавить как минимум трех». Дина никогда не носила куртки с капюшоном, когда была женой Артема. У нее просто не было такой одежды. Она выходила по утрам в элегантных полушубке, манто, плаще, летом – в том платье или костюме, в которых будет записываться, – очень скромных, достаточно закрытых, с юбкой на три пальца ниже колен, ровно до щиколоток или в брюках, – и баснословно дорогих. Что было понятно любому. Она делала несколько шагов к «Мерседесу» с водителем, который открывал ей дверь. И хотя она была бледная, совсем без косметики, ни у кого не возникало сомнений, что эта женщина на миллион долларов. Бренд своего мужа и его дела. Дина и сейчас надевает на записку кое-какие из тех вещей. Других не покупала. Но однажды Артем принял очередную передачу и попросил ее остаться в кабинете, когда все вышли.

– У меня просьба. Точнее, распоряжение. Отнеси в мусорный бак это черное платье. И серый костюм. Дальше я буду говорить, что еще. И в порядке административного приказа. Могу и на бумаге, если ты хочешь позориться и смешить людей. Раз в три месяца ты будешь получать, скажем так, спецодежду. Никак не хочу ущемить твою самодостаточность, но ты все же в моем проекте. Галатея, грубо говоря. Твои страшные куртки оставляю на твоей женской совести. Ты в них едешь не в мой дом. Есть возражения?

– Нет. Будет сделано, мой Пигмалион, – шутливо отдала честь Дина.

И после того разговора раз в три месяца курьер доставлял ей красивую коробку со «спецодеждой», она послушно отдавала дворникам забракованную Артемом вещь, в которой уже нельзя было появляться на экране. А «страшные куртки» спокойно уживались и уживаются с ее женской совестью. Более того, она, как те женщины, которые переходили Артему дорогу, рискуя быть раздавленными, чувствовала себя в смешной безопасности. Ее никто не замечает, не узнает, она мало кого видит.

И Вадима тогда увидела, только когда он обогнал ее и встал на пути.

– Вы на машине? – спросил он.

– Нет, на метро.

– Можно вам предложить свои услуги водителя?

– Вам вряд ли это будет по пути. И я далеко живу.

– Ничего прокачусь, посмотрю ваше далеко.

В машине они продолжили разговор на рабочие темы. С Вадимом было легко и приятно говорить: он умел слушать, понимал то, что мало кто понял бы. Дина подумала о том, что впервые встречает мужчину, равного по уму Артему. И... совершенно другого. Она не сразу заметила, что они проехали значительную часть пути, центр давно остался позади, и машина явно движется к ее району. Но Вадим не спрашивал, куда ехать! Она посмотрела на него вопросительно. Он явно прочитал вопрос и ответил тоже без слов. Пожал плечами. И тогда Дина позволила себе признать, что все, что ей казалось, было на самом деле. И это понимание – самое яркое событие за весь срок кромешного одиночества без Артема.

Какое-то время они ехали молча. Дождь стучал в окно и по крыше машины. Вадим вдруг съехал на обочину уже пустынной проезжей части. Ее дом был в нескольких кварталах. А здесь начинался маленький дикий парк из фруктовых деревьев, тополей, берез. Дине рассказали соседи, что здесь когда-то была деревня, помещичий дом с большим фруктовым садом. Все исчезло, а кусочек сада уцелел. Только это уже потомки тех, былых деревьев.

– В детстве я больше всего любил гулять под дождем по лужам, – произнес Вадим. – Дина, у меня такое сумасшедшее предложение – выйти и прогуляться под этой стихией. По воде, как посуху... Макияж вы смыли, а капюшон вашей куртки...

– Как у ку-клукс-клана? – быстро переспросила Дина.

– Нет, – ничуть не удивился Вадим. – Как у Красной Шапочки, которая несет бабушке пирожки. Если бы она, конечно, тоже предпочитала черный цвет.

Дина вдруг легко рассмеялась и первой выпрыгнула из машины. Она не стала надевать капюшон, а подняла голову к щедрым каплям дождя, приоткрыла рот, пила прохладную влагу. Дождь смывал усталость, горечь, хронические ожоги – не от софитов, а от того, что Дина видела вокруг не глядя – с ее глаз. Это было именно то, что ей так давно было нужно...

– В этом вашем страшном-страшном лесу из десяти деревьев волки, случайно, не водятся?

– Давайте посмотрим, – азартно воскликнула Дина. Ей так хотелось продолжить эту странную, внезапную, какую-то нереальную прогулку...

– Нам удобнее будет перейти на «ты», – сказал Вадим. – Потому что я тебя возьму сейчас за руку. Грязь довольно скользкая.

Они прошли пару метров, шагая в такт шуму дождя, вдыхая свежесть, наслаждаясь темнотой, как уютным убежищем для двоих. Дина все же поскользнулась. Вадим поддержал ее, потом легко притянул к себе. Она смотрела на его мокрое лицо снизу вверх и удивлялась его красоте. И тут они оба услышали странный звук – то ли стон, то ли хрип... Дина вздрогнула.

...Она вспомнила сейчас тот вечер и ту ночь, которые связали их так крепко, но так ненадолго, опять ее затопила волна этого бесконечного, безысходного томления, и сердце застонало, как будто в нем медленно и жестоко повернулся осколок зеркала... Дина на мгновение прижала ладони к лицу, к вискам, глазам, зажала рот, чтобы не вздумал всхлипнуть. И опустилась на колени перед огромным сенбернаром, который с упорством и мощью совершенного зверя пытался поставить себя на крупные прекрасные лапы, преодолевая протест и боль давно и безнадежно поврежденного позвоночника.

– Лорд, мой дорогой, я с тобой, ты сможешь.

Дина просто стояла на коленях рядом и боялась, как всякий раз, что он не справится. А помочь ему невозможно, не только потому, что они равны по весу, но и потому, что он не даст. Может укусить от отчаяния и оскорбленной

гордости. Она ему нужна как родная душа. Для поддержки, любви и восхищения.

С Лорда и благодаря Лорду тогда просто и естественно началась их совместная жизнь с Вадимом... И вот теперь они остались вдвоем, без Вадима.

– Лордик, – прошептала Дина, – я так тебя люблю. Я так в тебя верю. Мы со всем справимся. Мы во всем разберемся, да, мой дорогой? Мне это очень нужно: все понять.

Пес посмотрел на нее своими невыразимо прекрасными глазами и встал. Это был его ответ: «Все ради тебя».

Глава 3

Домашний кабинет Артема несколько не отличался от его рабочего кабинета, оборудован был теми же профессионалами, только за его счет. Телевидение – вещь круглосуточная, Артем не мог ни на секунду ослабить контроль. У него и машина оборудована так, что он, и находясь в дороге, может связаться с кем угодно и посмотреть все, что нужно. Он посмотрел дома в записи завтрашнюю передачу с Диной, одобрительно кивнул, откинулся на спинку кресла, допил виски, вспомнил тот день.

Это было три с половиной года назад. Он тогда давно уже мысленно вычеркнул из рабочих планов заведующего редакцией, в которой работала Дина, искал замену. Артем представлял себе этого нового работника, как будто точно знал его. Симпатичный, обаятельный, демократичный человек с железным внутренним стержнем. Не быть обаятельным и демократичным в компании мог только сам Артем. Дело требует не просто жесткости, но и жестокости. Новый заведующий редакцией должен был безоговорочно принять концепцию, заинтересоваться лично и внести что-то свое. Он обязан был изменить то, что все воспринимали как данность, как догму. Но никаких резких перемен зритель заметить не должен, только что передачи стали лучше, современнее, созвучнее настроениям. И потому не надоедали. Именно настроениям, потому что время всегда принесет и трагедии, и фарсы, и поводы для умиления. Но главное, нужно улавливать что-то в подсознании людей. Что больнее, что нетерпимее,

что есть надежда и ожидаемая радость. Исполнители для такого руководителя есть. Артем, как всегда, прежде всего представил себе вдохновенное и страстное лицо Дины на экране. Она на экране так отличается от самой себя в реальной в жизни... Нет, в жизни она так же красива, даже привлекательнее, чем на экране, потому что по-женски желанна. Но в жизни это просто женщина, а не богиня истины, как в эфире. Исполнитель – для нее, конечно, условное определение. Она сама свои тексты ловит не только из информации, но из многих вздохов. Но она очень организована, ответственна, и, если ей предложат немного откорректировать направление, сразу поймет, что надо делать.

Да, все было у Артема для нового идеального руководителя этой самой любимой редакции, но не находился нужный человек. Он просматривал разные каналы, он пролистывал разные газеты, просил коллег рекомендовать, если кто-то есть на примете, даже дал объявление, хотя не верит в эту систему: ему казалось, что себя предлагают только неудачники. Артем не знал никогда, что такое – быть невостребованным. В результате люди приходили. И вроде профессионалы, и вроде подходящие... Подошли бы всем, кроме Артема. Того человека не было. Артему стало казаться, что того самого идеального сотрудника, которого он ждет, и вовсе не существует. Насмотревшись и начитавшись всего, Артем приходил к пессимистичному выводу: таланты исчезают. Черт их знает, то ли все уехали, то ли людей чем-то не тем в детстве кормят, но факт остается фактом: придется брать кого-то на безрыбье, чего Артем всегда избегал. Но и оставить прежнего заведующего никак. Любой руководитель, конечно, считал бы, что человек справляется, но для Артема ненавистно слово «инерция». А это был именно тот случай. И вообще, Артем своих решений не меняет. Никогда. Даже с Диной... Это имя только в таком контексте заставляло Артема вспоминать о том, что у него есть сердце. Кто знает, может, именно поэтому он пошел на расставание.

Дина просто рвалась на свободу, которую не собиралась никак использовать, бездумно, он легко бы ее удержал. Чувствовать сердце – это одна жизнь, делать дело и руководить судьбой – совсем другая. Его жизнь. Еще бы несколько лет брака с Диной, и они бы стали, как говорится, одним целым. Он бы заразился ее гипертрофированными эмоциями: жалостью, воспаленной любовью ко всему живому, яростным гневом по отношению к виновникам чьих-то бед, к преступникам, которые к ней не имеют никакого отношения. Это хорошо в работе. Он это использовал на полную мощь в проекте, созданном специально под нее, но это не нужно рядом. Дина умеет быть сдержанной и корректной, не скандалит и не рыдает ни по какому поводу. Но тот, кто ее любит, – а он, Артем,

конечно, ее любит, как ему дано, – не может не чувствовать, что она – вулкан, который просто делает вид, что спит. А на самом деле лавина страстей сна не знает. И это страсти по справедливости и гармонии существования. Хотя, конечно, в ее прекрасном организме есть и настоящая женская страсть. В этом месте Артем опять почувствовал сердце и жаркую волну во всем теле. Но он сделал выбор. И уверен, что правильный. Теперь все на местах.

А тогда, три с половиной года назад, к нему пришел по рекомендации человек. Вадим Долинский. Рекомендация была так себе, не очень. Артем любил переманивать лучших сотрудников конкурирующих каналов, а этого уволили якобы за излишнюю независимость. Но их всех увольняют за «независимость», а возьмешь, оказывается, просто понтовый индюк, который возомнил себя самым талантливым и лучшим. А в работе считает, что ему требуется лишь изрекать истины, а пахать за него будут кони. Конечно, у Артема есть профессионалы для любой работы, в том числе и те, которые пашут, как кони, чтобы отшлифовать вдохновение мастера. Но нужен такой пустячок, как мастер. Нужен человек, который работает не за деньги, а потому что не может этого не делать. Для которого возможен полет. И который видит команду, уважает ее, считается с ней.

И вот он вошел к нему в кабинет однажды утром, этот Долинский. И пока шел к его столу от двери, пока они обменивались рукопожатиями, начинали общий, поверхностный разговор, Артем понял совершенно отчетливо: это то, что ему нужно. Вот прямо как по индивидуальному заказу, именно для такого руководителя, как Артем, для такого проекта, для такой команды. Он мельком посмотрел документы, резюме. Все было уже неважно. Он спросил:

– Когда сможете приступить?

– Завтра, – улыбнулся Вадим. – Я две недели безработный.

Они попрощались, как люди, уже сработавшиеся, симпатичные друг другу. Вадим ушел, Артем долго смотрел на закрывшуюся за ним дверь. Да, это тот человек. Нет никаких сомнений. Как практически нет сомнений в том, что Артем сейчас взял на работу мужчину ... для Дины. Когда Вадим давал оценку передач, которые посмотрел перед собеседованием, он очень точно определил достоинства и недостатки всех четырех ведущих. О передачах Дины говорил так же критично и бесстрастно, как о других. Только имя ее произносил не так, как другие имена. Он ласкал это имя. Артему ничего не стоило его не

взять. И Дина, которая ведет такой уединенный образ жизни, никогда бы его не встретила. А этот мужчина для нее, как работник для Артема. Но как бы потом Артем презирал себя. Дал свободу, значит, дал ее.

...Все и получилось, как он думал тогда. Артем подошел к бару, налил себе еще стакан виски, вернулся к столу, нажал кнопку пульта, задержал стоп-кадр с Диной. Сделал несколько больших глотков. Он никогда не пьянеет и никогда не волнуется. И все время просто наблюдал. Еще нечего было замечать, Дина совершенно не изменилась, Вадим был весь в работе, он никак ее не выделял, даже сотрудники не начали переглядываться, глядя на этих двоих, но Артем точно знал: они будут вместе. Кому, как не ему, знать все о своей Галатее.

Он услышал движение за спиной, но не повернулся. Он и так чувствовал, что это Анна. Остановилась, приняла особенную позу, завлекательно завернута в большое полотенце, ее стройное тело словно вибрирует, сузились еще больше темные глаза, – такие глаза бывают у латиноамериканских актрис, – оскалились в попытке изобразить насмешку острые зубки. На самом деле это злоба, ненависть, ревность. Ну как ей объяснить, что Дина в его жизни для нее – параллельная реальность. Что завидовать ей и ревновать – это все равно что колючке ненавидеть звезду, хотя какой-то садовник лелеет именно колючку, поливает, укрывает на зиму от холода. А звезда мерзнет сама по себе, освещая свое одиночество. Только одиночество и осталось верным Дине. Вот и Вадима больше нет рядом с ней. Это судьба.

– Все любишься? – произнесла Анна своим богатым, низким голосом.

– Я работаю, Аня, – повернулся к ней Артем. – Это так трудно понять? Иди. Я сейчас приду в спальню.

Он проводил ее взглядом до порога, знал, что там она театрально потеряет свое полотенце. Смешно: на худых ягодицах появились пупырышки от обиды и злости, которые редко ее оставляют. Это похоже на крокодиловую кожу. И это значит, что она будет яростной и ненасытной в любви. Что, собственно, от нее и требуется.

Утром Анна, уже при макияже, с тщательно выбранным выражением надменного превосходства на лице, в легком полушубке из соболя, который окутал ее теплым облаком, в черных брюках стретч на длинных стройных ногах и, разумеется, в сапогах на очень высоком каблуке, вышла из подъезда дома Артема и села в свой припаркованный неподалеку иссиня-черный «Лексус». Мельком подумала, что пора бы Артему сообразить, что ей нужна новая машина. Хотя она очень любила эту. Цвет выбирала под цвет своих волос. Ей никто не верил, конечно, но она не красила волосы. В результате какой-то причудливой игры генов – Анна запуталась в своих предках, кого там только не было, – она родилась сразу с черными волосиками, плотно прикрывавшими младенческий смешной черепок. Она сама всегда смеется, глядя на свои первые фотографии. Галчонок! Мама гордо ей говорила, что дети остальных мамашек в палате были лысыми, как колено.

В школе, конечно, внешность стала проблемой, которая доставила ей немало страданий. По сути, испортила детство совсем. Нос с горбинкой на худом лице, черные, непокорные, неправильно постриженные волосы, очень тонкие, худые ноги и руки – были поводом для веселья мальчишек-одноклассников. Ей кричали вслед: «галка», «ворона», «спрыгни со своих ходулей», а бегали за беленькими, манерными Мальвинами. Хроническая подростковая обида стала со временем растущим раздражением, затем превратилась в скрытую ярость и желание всех победить. Не кого-то конкретно, а просто победить! Свой выход она готовила не меньше года. Не тратила карманные деньги, экономила даже на обедах: все равно не поправляется, а дома, когда отец был на работе, мать крутилась по хозяйству, Анна тренировалась по журналам, как тренируются модели. До изнеможения, до ста потов. Иногда заходила в лучшие парикмахерские Нижнего, где жила, садилась в очередь и слушала разговоры клиенток: какой мастер в городе самый лучший стилист и сколько берет за услуги. За несколько месяцев до выпускного вечера Аня спросила у матери, сколько денег та собирается потратить на ее выпускное платье. Мать подумала и назвала более чем скромную сумму – ей пришлось оставить работу, сидеть с младшей дочерью, которая родилась инвалидом: ДЦП. Семья жила на небольшую зарплату мужа и пособие на больного ребенка, денег, конечно, не хватало ни на что. Мать назвала сумму, которую уже отложила, потому что трудно у них задерживаются деньги, а потом взглянула на серьезное, сосредоточенное лицо старшей дочери и так остро ее пожалела... За удобу, за эти черные, непослушные волосы, за то, что редко смеется, за то, что одета едва ли не беднее всех, за то, что нет у родителей времени ее утешить, приголубить, доставить радость... Так пожалела, так почувствовала свою вину: ведь родила же «галчонка» для

счастья, и добавила:

– Это что есть. Но я еще отложу. Ты что-то придумала?

– Да, – кивнула Аня.

Этот свой выход она помнит отлично. И мама, конечно, помнит. А уж одноклассники – те, возможно, немножко заикаются по сей день, вспоминая, сколько лет прокалывались, обижая ее. Аня улыбнулась и легко вписалась в поворот.

...Она сознательно не торопилась, собираясь на выпускной вечер. Мама устала нервничать, подгонять ее, хлопотать. Отец, который вернулся с работы раньше, чтобы посидеть с младшей дочкой, время от времени смотрел на часы и говорил жене:

– Ну, я не понял. Зачем я все бросил, там была сверхурочная работа, досталась Лешке, а вы вообще куда-то собираетесь? И вообще, что она делает? Она торчит перед зеркалом уже часа четыре, и ничего такого я не вижу. Цветы бы какие-то в голову прицепила. Я видел, когда шел домой, одна девочка воткнула себе в косы полгрядки роз, не меньше. Платье на ней было белое, тоже с розами. Первый раз вижу, чтобы на выпускной вечер кто-то шел в черном. Поминки там или что...

– Не вмешивайся, папа, – отмахнулась мать. Она давно так называла мужа. Они в своей борьбе за жизни детей давно стали не мужчиной и женщиной, а мамой и папой. Стали совсем молодыми... Маме не было и тридцати, когда родилась младшая сестра, Валечка.

Но еще через час и мама взглянула на часы, потеснила Аню у зеркала, поправила гладко причесанные русые волосы и серое, красивое, но единственное выходное платье.

– В общем, я побежала, доча. Тебя ждать никто не будет, но аттестат кому-то надо взять. Может, к танцам успеешь. А мне ребенка укладывать. Не знаю только, букет мне брать или как?

– Я возьму, – повернулась Аня. – Ты иди, я скоро.

Мать всплеснула руками, у отца изумленно расширились глаза. «Аня, Аня», – засмеялась семилетняя Валечка...

Аня вошла в актовый зал, когда второй выпускник получал на сцене из рук директора свою путевку в жизнь. Она неторопливо шла между рядами, и головы всех поворачивались к ней. Это папа мог не сразу понять, чем Аня так долго занималась у зеркала. А одноклассники, учительницы, родители, даже непроницаемая директриса на сцене – они, конечно, сразу поняли. Идет мисс Совершенство. Тонкая, словно летящая, затянутая в черное платье с асимметричным воланом по маленькой груди, с открытой длинной и гибкой шеей, на плечи ложится роскошная иссиня-черная волна. Неяркий блеск на губах гармонировал с загадочным светом черных узких глаз в тонкой подводке. В руках она держала букет алых роз.

...Да, то был ее первый триумф. После него Анна стала профи эффектных появлений. Сколько бы женщин ни было, как бы они ни нарядились, как бы ни накрались, Анна умела сразу привлечь к себе внимание, отвлекая его от других. Конечно, это всегда требовало много часов или дней подготовки. Но это стоило победы. Да, было по-всякому. Но она научилась считать победы, оставляя в прошлом поражения. На данный момент ее главной победой был Артем. В принципе он и в ее жизни главная победа. На такую она даже не рассчитывала. Но после победы оказалось все очень трудно. Как удержать, как окончательно пленить, что еще сделать... Он с ней и не с ней. Если она однажды перестанет звонить и приезжать, он просто не заметит. Привезет другую. Это такой мужчина – у Анны не было слова «любовь», – просто это такой мужчина, ради которого не жалко жизни – ни своей, ни чужой. Он стоит всего.

Она вспомнила, как вечером он смотрел на стоп-кадр Дины, подумала о том, что они сейчас в одном помещении, возможно, совсем рядом, возможно, касаются друг друга – и попала в грозу. В свою, редко утихающую грозу. Взглянула в зеркальце: и лицо у нее, как у грозы, и волна волос – грозное облако, и самой страшно от того, что она не может себя укротить. Анна даже не заметила, как вошла в свою квартиру, которую снимала в центре. Сразу, не раздеваясь, прошла в гостиную, где висел на стене телевизор. Сейчас время эфира Дины. Анна всегда смотрела. Это были самые плохие для нее пять минут в сутках. Она не слышала, что Дина говорит, она смотрела, ненавидела, проклинала... И допроклиналась. Ее неправильно поняла высшая сила. Убит муж Дины, а она

сама опять свободна. Анна сдержала полустон-полурык. Протянула руку к экрану и провела пальцем по трещине. Это она пыталась разбить телевизор медным тяжелым ковшом. Не получилось. Не получилось у нее, идиотки. Телевизор даже не стал хуже работать. Кому хуже от того, что она колотит по своему телевизору. Если рассказать Артему, он будет смеяться. Возможно, вместе с Диной.

– Будь ты проклята, – сказала телевизору Анна и не стала его включать.

Глава 5

– Накануне первого весеннего праздника – Восьмое марта, – говорила Дина в эфире, – мне очень хочется поздравить всех своих зрителей. И женщин, и мужчин, чьи жизни согреты любовью к женщинам, и детей, для которых всегда главным словом будет «мама»... Если бы зависело от моего желания, вы были бы всегда счастливы. Не знали бы ни горя, ни самого маленького огорчения. Бывает такая жизнь или нет – это уже другой вопрос. Но моя задача и сегодня, как обычно, коротко рассказать вам, что есть за нашим окном, что ждет за порогом, с чем мы не можем примириться, кто не оправдывает наших ожиданий, по чьей вине сейчас есть обездоленные и несчастные. А они есть. И я не поставила сегодня на свой столик букет подготовленных для этой передачи цветов.

...Артем у себя в кабинете курил трубку, глядя на монитор. Он давно бросил курить. Трубку оставил только в рабочем кабинете, был уверен в своей силе воли. И легко мог не вспоминать о ней. Курил он только, когда шла запись завтрашней передачи Дины. Он смотрел на ее крупный, красивый и чувственный рот, на глаза самого глубокого карего цвета. Когда она делает это свое обычное движение: опускает голову, глядя секунду просто на пустой стол, она так переводит дыхание в момент напряжения эмоций, и любому понятно, что тут нет актерства, когда она так делает, а затем резко поднимает взгляд, ее глаза занимают пол-лица... Если бы Артем услышал от кого-то другого эту свою мысль, которая у него возникает в такой момент, он бы, конечно, насмешливо улыбнулся. Но себе не запретишь, и он в очередной раз думает: «Это взгляд высшего существа». Ничего пафосного на самом деле. Никакого обожествления. Он думает о профессионализме. И о чем-то еще, чего он так больше ни в ком и не нашел. Дина выйдет из студии и посмотрит обычным взглядом обычной

усталой женщины. Ей дано уложить в эти пять минут чуть больше, столько информации, столько мыслей и такое количество внутреннего пламени, что она выходит совершенно обессиленной. Потом пьет чай в общей комнате, и ее пальцы немного дрожат.

А пока она своим приятным, негромким голосом, который нисколько не похож на голос записного оратора, трибуна, говорит такое... Может, дело даже не в содержании: это обзор событий, по которым не прошелся лишь ленивый из тех, кому за деньги не положено замазывать правду, – да, скорее всего, не только и не столько в содержании. Дело в том, что красивая, успешная женщина, сексапильная и элегантная так жестоко, с таким откровенным презрением, иногда с ненавистью безошибочно чертит круг легализованной мафии, называет имена и должности коррупционеров, известных всем, говорит об их преступлениях, как не скажет никакой обвинитель, если вдруг случится справедливый трибунал. И столько горечи и сожаления по адресу вечных жертв. Просто людей, которые родились не для того, чтобы стать жертвами. И стали ими.

Артем представил себе одного чиновника, который это сейчас смотрит. Они иногда встречаются на встречах, фуршетах. Тот первый всегда идет к Артему с протянутой для рукопожатия рукой и неестественно широкой улыбкой. Это он включает Артема в свой круг, чтобы не прозвучало вот так, на весь свет, его имя. Никому не страшно и не стыдно совершать откровенные преступления. Но любого скрючивает, когда Дина пренебрежительно называет его имя. Вот и это имя прозвучало. Артем не читает тексты ведущих до записи. Откровенную глупость, ляп даст команду вырезать перед показом, правду – ни за что.

«А не фига было», – мысленно сказал чиновнику Артем, прекрасно представляя, как этот тип сейчас звонит по разным телефонам, требует закрыть, запретить, истребить... Идиот. То, что сейчас сказала Дина, – это просто анонс, верхушка айсберга. Если клиент будет слишком нервничать, в ход пойдут такие документы, что его сдадут в первую очередь поделщики. В редакции отличная группа разработчиков.

Но на какой-то ковер, возможно, придется пойти. То есть известно на какой. И под этим стерильным ковром столько своей грязи и компромата, что разговор не будет слишком тяжелым. Мысль вышестоящего чиновника всегда такая: «Я просто по просьбе вступаю за него, но меня не трогайте». Расправляются не в кабинетах и не на коврах, а в подворотнях, дворах, на улицах и мостах... Но тут

уж как кому повезет. То ли Артему, то ли тому, кто не понял, с кем связался. Боялся ли Артем за Дину? Почему-то нет. Она – слишком известное лицо. Именно лицо. Красивое, нежное, женское. Последнему дегенерату должно быть понятно, что это для него страшно аукнется. Если вдруг... Провести связь легко даже простому телезрителю. Кончиться может катастрофой для многих. Такие вещи не решаются в одиночку. Или Артем себя так успокаивает? Но дело просто в том, что он дает профессионалу трибуну. Это ее выбор.

...Однажды, тогда, больше трех лет назад, Артем после записи вошел в кабинет Вадима. Тот сидел за письменным столом и смотрел на уже выключенный монитор. Посмотрел в сторону Артема и явно не увидел его. Он просто еще ничего не видел. Держал в руках сломанную ручку, и руки его дрожали. Он боялся за нее. Так Артем понял, что Дина и Вадим провели ночь вместе.

Глава 6

Тем вечером, в темном и мокром фруктовом саду они какое-то время растерянно стояли над большим лохматым псом, который пытался встать. Пес по-человечески стонал, едва приподнимался на мощные передние лапы и падал опять, в скользкую грязь.

– Я ничего не вижу, – жалобно сказала Дина. – Я вообще близорукая, просто на передаче без очков.

– Как тут увидишь в такой темноте. Сейчас.

Вадим быстро достал айфон, включил фонарик... Дина ахнула. Пес был весь в открытых, явно ножевых ранах. На боках кровь смешалась с грязью. Он перестал стонать и поднял голову. Вадим осветил его морду.

– О боже, – прошептала Дина. – Какие глаза. Какой красавец. Я никогда не видела такой собаки.

Вадим задумчиво смотрел на нее, на собаку, которой так не повезло... Вот по такому сценарию пошел их романтический вечер. Он не чувствовал досады. Он

хотел побыть с ней вместе, вот они и вместе. Но что делать?

– Дина, я как-то не в теме. Ты не знаешь, кого-то можно к нему вызвать? Наверное, есть такая служба.

– Ты смеешься?! Какая служба! Вадим, его нужно везти в клинику. Давай так. Я побуду с... Лордом, а ты попробуй поймать нам с ним машину, что-то типа «Газели», фургона... И нужно, чтобы водитель был нормальный, помог внести и вынести. В клинике тоже. Я хорошо заплачу, скажи ему. У Лорда что-то серьезное с позвоночником. Очень серьезное.

– Эй, – негромко произнес Вадим после небольшой паузы. – Дина, ты меня видишь? Я нормальный водитель, у меня джип. Я тебя здесь не оставлю ни с Лордом, ни без него. Кстати, почему Лорд?

– Ну, как же. Это написано в его взгляде. Ох, спасибо, милый. Я не надеялась, честное слово. Даже в голову не пришло. Ты правда хочешь поехать с нами?

– Только в одном случае. Я еду не с вами. Мы едем вместе. Мы – вместе, так?

– Так, – благодарно кивнула Дина. Вадим смотрел на нее в свете фонарика. Где богиня истины, гнева и возмездия? Это девочка, испуганная, потрясенная, вздрагивающая, глядя на раны собаки, как будто сама чувствует боль от ударов ножа. Она сказала «милый», что это было? Просто благодарность, конечно...

Они подъехали к небольшому зданию со стеклянным фасадом. Все окна горели.

– Вот здесь. Сейчас нам поднимут шлагбаум. Это центр лучшего хирурга-ветеринара Москвы. Воронина. Они работают круглосуточно. У него в кабинете включен свет, значит, он сам дежурит в ночь.

– У тебя были животные?

– Только в родительском доме. Я слишком люблю собак, Артем к ним равнодушен, я не стала рисковать. А потом... Сложно все. Даже не приходило в голову еще усложнять. Одной проще. Я знаю этот центр просто потому, что до компании Артема работала на другом канале, как раз в передаче о животных. Не

раз делала репортажи отсюда. Так что, Лордик, – погладила она большую лохматую голову, которая лежала у нее на коленях, – мы приехали по благу.

Когда подняли шлагбаум и Вадим поставил машину на стоянку, он, перед тем как открыть дверь, взглянул на свои руки в грязи и ржавых пятнах крови: носовым платком не очень приведешь себя в порядок. На куртку, брюки, на грязные полосы на щеках Дины, на ее совсем недавно безупречно чистую одежду...

– Дина, ты представляешь, в каком мы виде? Там все перепугаются насмерть.

– Нет, – по-деловому ответила Дина. – Там как раз такой вид и нужен.

Несколько часов показались Вадиму кошмаром. Лорд не сумел встать на задние лапы. В помещение его пришлось заносить. К ним вышел бесстрастный человек с очень цепким взглядом. Он не задавал никаких вопросов, только констатировал то, что видел. Пришла бригада людей в голубых халатах. Лорда сначала отнесли в комнату для рентгена, потом в операционную.

– Ну, Дина, видишь сама, – сказал доктор, показывая результат рентгена уже на большом мониторе на стене. – С позвоночником безнадежно. По факту это спинальник. Повреждение, скорее всего, очень тяжелым предметом. Еще есть импульс от спинного мозга к головному, но он будет отмирать. Операбельно ничего решить невозможно. Раны разной глубины. Их можно почистить, какие-то зашить... Пес сейчас так ослаблен, измучен, истощен, что я бы не стал это делать под общим наркозом. Под местным... Все раны не обколем, только замучаем. Я бы просто немного успокоил... и попробовал так. Если делать.

– Что значит «если»?

– Если мы примем решение – оставить жить никому не нужного инвалида. Я так понял, вы выбрали его на дороге? С хозяевами все ясно. Это они искалечили. Ошейник – строгач ручной работы, дорогой, на собаке есть клеймо. Стоит такая собака сейчас до полумиллиона. Истязал садист. С любовью к этому делу. Да иначе и трудно избавиться от такого серьезного зверя. Он вернется, куда бы его ни отвезли.

– Почему вы думаете, что это хозяин? Это может быть... догхантер, пьяный подонок с улицы...

– Такую собаку? Да она из чужого человека, который сунулся бы с враждебной целью, котлету бы сделала. Такой пес подпустит только хозяина – убивать, резать на куски и все прочее... Я предлагаю – не мучить его. Усыпить.

Вадиму стало не по себе. Усыпить. Убить? Тут он очень пожалел, что именно они наткнулись на Лорда. Он полз к ним, смотрел им в глаза, а они привезли его на смерть.

– Сколько ему лет? – спросил он хирурга.

– Лет пять-шесть, думаю. Расцвет жизни для такого великана. Мощный, отличный пес. Был. Ему самому не нужно жалкое прозябание инвалида. Да и не возьмут его у вас ни в один приют. И это хорошо. Потому что гнить там заживо – это страшнее, чем смерть. Дина знает, что такое приюты, передержки...

Дина, казалось, их не слушала. Она гладила морду Лорда, завязанную бинтом, чтобы не укусил никого, улыбалась ему, что-то говорила. Пес смотрел на нее необыкновенно выразительными и большими глазами.

– У него очень большие глаза для сенбернара, да? – спросила она у врача. Вадим подумал, что она странно спокойна. Собаку сейчас убьют, а она говорит о том, что у нее большие глаза.

– Да, я обратил внимание, – ответил Воронин. – Интересная генетика. Есть такая довольно известная картина, не помню автора, но век, кажется, девятнадцатый. Там сенбернар с такими глазами. Его дети обнимают. Я думал, это фантазия художника, ну вот, первый раз увидел. Есть такая ветка, значит.

– Обязательно найду эту картину, – почти весело сказала Дина. – Начинайте, пожалуйста, Алексей Алексеевич. Нам далеко ехать. Вадиму рано на работу. А мы с Лордом сумеем отоспаться. Завтра у меня нет записи.

– Я вас правильно понял? – уточнил врач.

– Ну конечно. Это мой пес. Мы наконец встретились. Он хочет жить. И он не будет несчастным. И не инвалид, как бы ни пошло дело дальше. Уж мы с ним постараемся.

Был еще очень тяжелый час. Лорд стонал, временами пытался вырваться, его держали несколько мужчин, несмотря на то что он был привязан ремнями к хирургическому столу. Дина отказалась уходить. Врач что-то строго ей говорил, потом махнул рукой. Она беззвучно плакала, глядя на страдания и страх собаки. Наконец раны почистили, зашили, Лорда погрузили на одеяло и понесли к машине. На улице на него, видимо, подействовал воздух, он захотел свободы, с ревом раскидал четырех человек, они его уронили прямо в одеяле. Пес огляделся, лежа, нашел взглядом Дину и начал вставать. И встал! И пошел в машину рядом с ней, неровно, заваливаясь временами на задние лапы, но сам. Но с ней.

Вадим посмотрел на Воронина.

– Ужас. У меня в эту ночь нервы сплелись, как змеи, в клубок и шипят. И меня же кусают. Одно дело – помочь обычной собаке, другое – вступить в контакт с таким странным зверем.

– Пес – настоящий мужик, – рассмеялся врач. – Повел вашу женщину. Догоняйте. Если что нужно, приезжайте.

Они уже устроились в машине, когда Воронин подошел и попросил знаком опустить стекло.

– Я хочу сказать, что в моем прогнозе кое-что изменилось. Не станет спинальником этот зверь. Слишком мощный, волевой и гордый. Не побежит, конечно, даже нормально не пойдет, но не ляжет бессильно... Какое-то время. Это могут быть годы. Он будет передвигаться сам за вами, Дина. Пусть по квартире. Но это смысл и цель. Собаке нужен только человек, который ее любит. Удачи.

Ночью, в квартире Дины, Вадим, отмывшись и почистив одежду, чувствовал себя так, как будто на нем полгода воду возили без выходных. Пытался подремать на кухонном диване, но сон тоже испугался таких приключений. Просто соскочил, как предатель. Вадим встал и без толку бродил до утра, наблюдая, как на

экране, вдохновенную, красивую и, кажется, совсем не уставшую Дину. Она хлопотала вокруг Лорда, устраивала ему уют из одеял. Давала то попить, то поесть крошечными порциями. Она целовала его морду, а Лорд ей улыбался! Дина счастлива, что спасла эту жизнь, понял Вадим. Вероятно, ее щедрой и сострадающей душе больше никто не нужен. Лишь этот великолепный, искалеченный пес, который, возможно, спас ее от одиночества. Интересно, конечно. Она его, Вадима, во всей этой истории видела? Заметила? Или он – «нормальный водитель»...

В это время Дина выключила электричество в спальне, раздвинула плотные темно-бордовые шторы, приоткрыла окно, вдохнула влажный, пряный воздух.

– Утро, – сказала она. – Тебе пора собираться на работу. Лорд уснул, я приготовлю тебе хороший и правильный завтрак. Для сил и бодрости.

– У тебя завтраки для разных целей?

– Для всех.

Такими выдались их первый романтический вечер и первая ночь. Они не прикоснулись друг к другу. Им было некогда, им было незачем торопиться. Они уже были вместе. Когда Дина посмотрела Вадиму в глаза перед тем, как открыть входную дверь, он все наконец понял. С такими глазами нужно говорить только в эфире. В другое время все понятно без слов. «Возвращайся, – сказал ее взгляд. – Я буду ждать. Мы будем ждать».

Глава 7

– Видишь, – сказала Дина, глядя в по-прежнему яркие и прекрасные глаза Лорда, – врач был тогда прав. Он сразу тебя понял. Ты не сдался, ты не слег ни на день, ты, моя лапочка, моя деточка, все так же ходишь за мной по квартире. И мы с тобой знаем, что ты счастлив. А Вадима нет... Ты, наверное, думаешь, что он просто ушел домой. Или что его нашел хозяин. У тебя такой правильный порядок в твоей большой голове. Я так тебя люблю. Мне, кроме тебя, никто не нужен теперь. И ничего не нужно, кроме твоей радости.

Она покормила собаку, убрала квартиру, улыбаясь, наблюдала, как Лорд топает по своему маршруту, оказываясь в одних и тех же местах с точностью до минуты. Великий педант. Если она отступит от какого-то заведенного ими порядка, он скажет «ры-ы-ы». Не поймет, оставит очередную дырку на ноге или руке. У него все – не игрушки. Боль от такого воспитания – глаза на лоб. Гематома на несколько недель, след, может, и навсегда. Память... Дина на него покричит, поругается, демонстративно забинтуется, а Лорд подойдет, прижмется горячее, такой красивой и такой родной башкой к ногам, потрется, лизнет руку – сердце плавится, и горя в эту минуту нет. Вот такой он крутой, Лорд. Ему положено по породе предупреждать один раз.

Суть их особых отношений однажды объяснил ей Вадим. Он вошел в квартиру, когда она плакала от боли и обиды, держа на весу окровавленную руку. Вадим почему-то не бросился ее жалеть и ругать Лорда. Просто выслушал.

– Я не понимаю, – жаловалась Дина. – Я так его люблю. Он же знает. И потом это очень организованный, обученный пес, знает все слова и команды. Собака, да еще такая умная и серьезная, никогда не кусает хозяина. У нее просто навыки охраны от врагов, что ли. А он меня...

– Ты сама все объяснила, – спокойно сказал Вадим. – Собака знает, что нельзя кусать хозяина. Но ее хозяин тот, кто истязал, избивал, бросил. Лорд все же собака, пусть и необычная. Он это принял, как любой пес: хозяин – это тот, который обращается жестоко, но ему нужно хранить верность. А ты... Ты для него не хозяйка, ты случайно слетевший ангел. Он тебя так любит, что пытается предупредить: не веди себя как хозяин, оставайся ангелом. Он не хотел сделать тебе больно, просто пасть у песика – почти как гильотина. Ему трудно проконтролировать свою силу. Так что срочно миритесь. Вон как он смотрит на тебя. Я не из самых жалостливых людей, но у него в глазах слезы, или мне кажется...

Так все встало на свои места. Дина оставила мысль – изменить характер и сложившиеся представления Лорда. Полюбила его за такую силу и сложность еще сильнее. А сейчас, вспоминая слова Вадима, вдруг подумала, что он говорил не только о Лорде. В их отношениях она тоже не была хозяйкой, традиционной женой. Он относился к ней как к подарку, случайно слетевшему ангелу, несмотря на ее совсем не ангельский характер. И были моменты, когда он тоже ее предупреждал, правда, без рыка и укусов: «Не надо. Ничего не нарушай. Не выходи из образа, который я люблю. И не вникай в то, что было...» Об этом надо

подумать серьезно, но сейчас некогда... Вот так бы и сидела рядом с Лордом на полу, утонув в блаженстве и уюте. Но скоро ночь. А тексты к завтрашней записи нужно писать вечером. Пока ночные тоска, жар и пламя – то, что Артем называет ее «гипертрофированными эмоциями», – не затопили нужные, точно рассчитанные, как символы в строгой теореме, слова.

Дина вошла в их с Вадимом спальню, которая была и ее кабинетом. Его кабинетом была гостиная. Большая, светлая, с выходом на огромную лоджию. Странная планировка, которая сыграла решающую роль в выборе квартиры. Лоджия по размеру, как вся квартира. Сейчас гостиная – комната Лорда. Он там спит, бродит, выходит на лоджию: посмотреть на день или ночь, общается с высоким тополем, который кланяется ему в открытые окна, здоровается с птицами, удивляется, наверное, их размеру и крыльям. Он там рассматривает свои собачьи ожидания и мечты. Все связано с Диной, наверное. Он ограничен в выборе радостей, как больной ребенок, который тоже не чувствует себя обездоленным, если рядом мама. Мир в стеклышке... Это и ее мир.

За небольшим письменным столом Дина какое-то время всегда сначала выстраивает в мозгу все то, что узнала за день, потом отбирает три-четыре темы для своего короткого эфира. Это будет три-четыре удара по самым больным точкам истории этого дня. Она не включает компьютер. Ее ждет всего один лист бумаги. Она напишет там несколько фраз от руки. Это выводы или ответы, как при решении задач. Она может взять с собой эту бумажку, может не брать. Текст родится сам по себе и отпечатывается в памяти намертво. Если на записи она скажет другие слова, значит, так надо. Дине иногда казалось, что текст ей кто-то диктует, а она просто произносит...

Она набросала три темы на завтра. Перечитала несколько раз только одну из них. Девушку, ложно обвиненную, ждет на днях, скорее всего, нелепый и преступный приговор. Дело затягивают, приговор страшно произнести тем, кто не может этого не сделать. А девушка приняла свое решение. Или воля, или смерть. Она голодает больше двух месяцев. И никто не может ее переубедить. Согласилась лишь пить воду, чтобы бороться. Дина ей сказала: «Ты хочешь, чтобы они радовались после твоей смерти? Как победители? Чтобы поступили так еще с кем-то?» У девушки – лучшие адвокаты, в оплате которых участвует и Артем, не по доброте душевной, а потому что его интересуют самые резонансные дела, он все видит и слышит в своем эфире. К ней ходят журналисты. Приходит и Дина. В последнее свидание посмотрела в глаза, коснулась прохладной, почти детской ладошки – девушка страшно похудела во

время голодовки – и отбросила все, что хотела сказать о прекрасной, несмотря ни на что, жизни, о будущем, в котором просто неизбежны любовь и счастье... Она шепнула узнице:

– Мои уважение и любовь – с тобой, что бы ты ни решила. Ты свободна.

И ушла. И даже думала сегодня весь вечер о другом, о своем. А сейчас зацепилась за название темы и горько заплакала. Кусала губы, чтобы не потревожить Лорда, чтобы не услышали соседи, а слезы все топили и топили ее жалкий клочок бумаги, на котором, возможно, тонула одна жизнь. Такая нужная, такая важная жизнь.

Дина вытерла слезы ладонью, скомкала влажный листок и бросила в корзину для мусора. Она знает, что сказать. Тема осталась одна.

Она вышла в прихожую:

– Мой дорогой, ты не ушел к себе? Я думала, ты спишь или гуляешь на лоджии. Это из-за меня. Да? Успокойся. Тебе нужно спать. Ты никогда не нарушаешь режим. Это твое здоровье. И мое, наверное. Пойдем я тебя провожу.

Дина и Лорд пошли по квартире, как по своему волшебному саду. Посмотрели вместе на звездное небо, как поется в украинской песне, «хоть гилки збирай», – какая-то поздняя, бессонная пташка им что-то чирикнула. Лорд, довольный, вернулся в комнату и стал устраиваться на своем двuspальном человеческом матрасе из «Икеи». Вадим специально ездил ему покупать. Выбрал любимый цвет Дины – темно-лиловый. Как их диван. Дина дождалась, пока теплое посапывание не заполнит комнату покоем и завершением, выключила свет и вышла в прихожую. И остановилась там, глядя на входную дверь.

Было так. Она помнит все до секунды, как будто это случилось вчера. День ее рождения. Она никогда не отмечает день рождения. Не понимает ажиотажа, связанного с простым фактом. Ну, родилась. Не родилась бы – не было бы и вопроса. Но в то утро Вадим, уходя первым на работу, – Дине нужно было к полудню: она уже выгадывала часы, как кормящая мать, из-за Лорда, – поцеловал ее особенным, длинным и страстным поцелуем. Сказал:

– Ты ничего сегодня не покупай нам и не готовь. Я все привезу сам.

И день сразу стал другим. Нежным, ярким, обещающим радость. На работе ее завалили цветами, которые она оставила в редакции, сказав, что они настолько прекрасны, что обидно, если в дороге изомнутся, но здорово будут смотреться в студии во время вечерних эфиров. Домой поехала на такси: опять же из-за Лорда. Раз Вадим сказал, что все купит, – значит, сделает. Он умеет создавать атмосферу праздника. Они сошлись и в том, что их мир на троих для всех остальных закрыт. В гости, на обязательные мероприятия, конечно, ходили. Атмосферу своей тайны хранили, как большое сокровище. Эта тайна – любовь. Всего лишь. И ей не нужна публика.

Она обслужила Лорда, убрала квартиру, надела простые черные брюки и очень эффектную кофточку цвета глубокой бирюзы с такими же кружевами у выреза и внизу. Шел ей этот цвет невероятно. Самой себе казалась экзотическим цветком.

– Нравится? – спросила у Лорда.

Он внимательно посмотрел, ей показалось, что важно кивнул. Да! Ему нравится, ей нравится, а уж Вадиму... Она рассмеялась. Она так редко смеялась, что Вадим называл ее царевной Несмеяной. Она не говорила ему, что так называл ее и Артем.

Раздался звонок в дверь. Вадиму еще рано. Она открыла. Прибыл курьер со «спецодеждой» от Артема. Дина совсем забыла: это же сегодня, и курьер днем звонил, договариваясь о времени. Она взяла красивую коробку, внесла в спальню, поставила на кровать, открыла. Черное платье. Не разворачивая, можно было понять, насколько это шикарно. Скромно и именно шикарно. У Артема великолепный вкус. Дина подняла тяжелый шелк, собираясь положить опять в коробку, рассмотреть уже вечером. Были пока дела. Но вдруг что-то блеснуло. Дина развернула платье. Впереди до талии блестели маленькие пуговицы. Каждая обтянута настоящим кружевом. А вместо верхней – небольшая булавка, как английская по форме. А в ней, как незабудки в траве, – чистейшей воды голубые алмазы... Дина не смогла сдержать возглас восторга. Она была практически безразлична и к тряпкам, и к украшениям – ну, так, радость на мгновение. Это было совершенство. Она быстро сбросила брюки и бирюзовую кофточку, побежала с платьем в гостиную к огромному зеркалу – от туалетного столика, стилизованного под низкое старинное бюро, до потолка. Это была единственная вещь, которую выбрала она, когда они обставляли квартиру. Ей так захотелось, чтобы зеркало стало таинственным отражением и

продолжением комнаты – вдаль и вверх. Перед этим зеркалом Дина чувствовала себя Алисой в стране чудес.

Платье скользнуло по ней, как будто истосковалось по ее телу. В нем дело или не в нем, но она себя не узнавала. Это была женщина-загадка, женщина, зовущая любовь, женщина, чье лицо осветили совсем по-другому голубые звезды, вспыхнувшие у сердца. Она осталась в этом наряде. В нем бросилась открывать дверь, когда раздался звонок: у Вадима же заняты руки покупками, он не может достать ключ...

И столкнула дверью тяжелое тело, ничего сначала не поняла, просто смотрела на спину в сером пиджаке, на котором было пять красных пятен. Свежая кровь. Еще чувствовался запах обожженной ткани на месте выстрелов, которых она не слышала. Голова Вадима с каштановой волной лежала у ее ног. И Дина упала на колени, лицом в эти кровавые пятна, убившие ее счастье. А потом голубые звезды смотрели, как она опускает любимые веки с длинными ресницами. Пусть спят.

Глава 8

Глухой ночью в темной комнате Людмиле снился мрак. Тяжелый, плотный, как комок глины, мрак. Он забился в горло, залепил рот, он не давал дышать и открыть глаза. Он сковал ее и наложил запрет на пробуждение. А сердце дрожало и просилось на волю, ему до конца жизни остался один глоток воздуха. И Людмила сорвалась с этого сна, как с цепи, задыхаясь, прижала руки к горлу, где, казалось, убит ее голос. Она произнесла, хрипло и с трудом, самые простые слова, которые всегда были на поверхности подкорки. Ночь, мама, пить, Вадим, Вита...

Людмила поднялась. Провела руками по взмокшей от пота ночной рубашке, сняла ее и бросила под ноги. Она пережила еще одну ночь. И таких ночей в этой темной комнате – три года.

Под ледяным душем ее крепкое тело сжалось и собралось, как для прыжка или полета. Ладное такое, пропорциональное тело, которое любовь к спорту не сделала менее женственным, несмотря на тренированные мышцы. Плоский,

втянутый живот, сильные руки и ноги, которые казались лишенными мягких тканей. Такими ногами бегают и прыгают, такими руками держат канат, весло или оружие. А грудь у Людмилы была полной и упругой, под холодной водой соски сжались и невинно поднялись, как для первого кормления первого ребенка. И бедра были у нее широкими и щедрыми, чтобы детям было удобно выходить на белый свет...

Людмила не стала вытираться: ей не бывает холодно. Она шла крупными босыми ногами по замученному чистотой полу и считала часы, которые нужно прожить до утра. Она их провела как обычно. Выпила на кухне большой стакан холодной воды: просто ставила воду из-под крана в холодильник на ночь. И начала тереть до дыр эту свою чертову квартиру. Она мыла даже потолки ежедневно. Легко стояла на высокой стремянке с тяжелой такой шваброй и даже не напрягала ступни, чтобы не упасть. У нее идеальный вестибулярный аппарат, у нее опыт скалолазания, она пробовала себя, наверное, во всем, что требовало силы и выносливости. Она получала награды на любительских соревнованиях... Стала мастером спорта по стрельбе. С ее здоровьем стыдно ходить на диспансеризацию. Обязательно какой-то остроумный врач пошутит: «С такими данными, девушка, приходите сюда лет через сто». А она три года бежит, как подбитый заяц, из сознания в сон, из сна – в сознание...

Если бы Людмиле кто-то сказал, что это называется депрессией, она бы плюнула себе под ноги презрительно, как научилась когда-то, будучи в компании трудных подростков, и растерла бы ногой картинно, по-пацански.

Не простой она человек, Людмила, и никому не позволит лезть к себе в душу.

Она вышла из подъезда ровно за полтора часа до начала рабочего дня, решительным и бодрым шагом направилась к своей машине. И почти с радостью вновь увидела там толстенькую фигуру их участкового Семена. Он ее развлекал. У этого смешного коротышки, взяточника, интригана и вымогателя, была невероятная для такого персонажа фамилия – Горский. Людмила всегда думала при встрече: это какого же Горского угораздило выродить подобное существо.

– Людмила, – начал своим неприятным голосом недорезанного петуха Семен, – не понимаете вы просто разговоров. Сколько раз я вам говорил: народ жалуется. Вы ставите машину так, как будто вы тут одна живете. Другим людям негде парковаться. В прошлый раз я говорил: это последнее предупреждение. Сегодня выписываю штраф. – Он блеснул гордо очами. То есть маленькими такими

глазками, как потерянные пуговицы в пыли дороги.

– Да что ты, Сеня, – даже заулыбалась Людмила. – Народ все жалуется? Народ – это Костя из нашего подъезда и Петрович из соседнего? Они тебе это сказали месяца три назад. И ты все мне мозг проедаешь. А мы тем временем с ними провели разделительные полосы. Вот они. Мы старались широко начертить. Краску дорогу купили, красную. Видно за версту. А тебе видно? – озабоченно спросила она. – Или у тебя глаза нарисованные?

Оставив участкового в глубокой задумчивости, Людмила вырулила со двора и поехала, быстро, легко, осторожно, как профессиональный гонщик. Она все старалась делать профессионально. Всегда к этому стремилась. Так странно: это не страшит ни от чего.

Глава 9

Режиссер шевелил усами, как кот. Он постоянно жевал жвачку. Это, как и все остальное в нем, раздражало Анну. Наглый, стеклянный взгляд, уверенность в том, что он невероятно осчастливил ее тем, что пригласил сниматься в своих рекламных роликах. Идиотских роликах, помогающих продавать всякую дрянь. Взять эти кошмарные, вульгарные часы, которые нарисованы на заднике сцены, более того, они болтаются на уродливом искусственном дереве, типа это яблоки соблазна, которые Анна, как Ева, полтора часа снимала и цепляла себе на разные места. Затем их вешали опять. Но Ева, кажется, была голой все же, а на Анне обтягивающее трико и блуза до талии из одних рюшей, с рисунком леопарда. Обалденный креатив, наверное, думает этот козел Никита.

– Снято, – сказал Никита.

Анна сняла с себя часы разной величины и формы, но одинакового уродства, бросила в коробку.

– Я свободна?

– Минуту, – вальяжно произнес режиссер, развалившись в своем кресле и закинув ногу на ногу.

А она остановилась перед ним. В этом дурацком, неудобном наряде – где-то жмет, где-то колет и щекочет кожу, – после пятого дубля. Никита и в паузах корчил из себя великого мастера, претендующего на «Оскар». Теперь ему нужна еще минута. Наверняка, чтобы придумать повод меньше заплатить.

– Что еще? – хмуро спросила Анна. – Я еле стою. Зад, извиняюсь, весь расцарапан. В этом трико швы не заделаны, а сшиты они из дерюги какой-то. Как будто делались для чучела на огороде, а не для живого человека.

– Люди работают, как могут, – так же вальяжно заявил Никита. – У всех проблемы. У всех кризис.

«Особенно у тебя, ворюга», – зло подумала Анна. Все знают, сколько из полученных от заказчика денег идет на клип, а сколько прилипает к его ненасытным лапам.

– Ты меня держишь, чтобы о кризисе поговорить? – поинтересовалась Анна.

– Вон зеркало, – кивнул Никита на туалетный столик у выхода за кулисы. – Посмотри, будь добра, на свое лицо.

– А можно, я не буду? Это вроде в оплату не входит.

– Именно об этом я и хотел сказать. Ты хорошо выглядишь. Ты в форме, ты по-прежнему артистична. Но выражение лица... В чем дело? Тебя снимаю я! А ты знаешь, какой у меня строгий отбор. Я выбираю для тебя выгодные проекты. А у тебя такое лицо, как будто ты роешь канавы.

Анна вдруг искренне и звонко рассмеялась. Они были уже вдвоем, почти все разошлись, а оператор никогда не слушает бред Никиты.

– Слушай, Ник. Кинь мне сегодня всего один лимон из натыренных тобою у заказчиков баксов. И завтра я засвечусь, засияю в очередных подштанниках с помойки. И буду петь и смеяться, как дети, снимая с этих крючков, какие ты

выдаешь за дерево, ту гадость, которую никто не возьмет, даже если за это будут платить. Все, я устала. Чао, бамбино.

Анна отправилась в закуток, который был ее раздевалкой, довольно насвистывая. Она, конечно, держит дистанцию, когда в студии, кроме них с Никитой, есть другие люди. Но вообще он стерпит от нее что угодно. Чего она только о нем не знает. Вся подноготная этого режиссеришки ей известна. Но он по своему врожденному жлобству жметя, ручонки трясутся, прежде чем написать ее заработанную сумму прописью, а ведь зависит сейчас он от Анны, а не наоборот.

Они познакомились, когда Никита был никому не нужным бездарным актером, которого кто-то из жалости или по другой причине иногда пристраивал в массовки. Отсутствие у него таланта бросалось в глаза. Даже при съемках толпы его старались поставить в самый последний ряд. До выхода с подносом ему было как до луны.

Аня приехала из Нижнего в никуда. Договорилась только с бывшей одноклассницей, которая работала в библиотеке «Мосфильма», что та попытается ее куда-нибудь предложить, хоть уборщицей для начала, и поселит где-то на первое время. У нее остановиться было нельзя – семья, но «Мосфильм» большой. Конечно, мечта у Ани была, да еще какая. Софи Лорен тоже была когда-то нищей, да еще и сиротой, брошенной в детстве родителями. А встретила миллионера Карло Понти... Короче, нужно просто часто ходить по коридорам, попадаться нужным людям на глаза.

Шло время. Аня сделала «карьеру»: от уборщицы до постоянной участницы массовок. И однажды приехала с Никитой в его дом в Подмоскovie. Так называемый дом. Это оказалось незаконченное строение, старое, запущенное, где жили его родственники, которые практически не общались друг с другом. Сначала Ане показалось это диким, потом даже понравилось. Уж ей-то с ними общаться никак не хотелось. Она и к Никите приехала на одну ночь, потому что замучилась прятаться от ночных сторожей по павильонам и кабинетам «Мосфильма». А он был прыщавый и озабоченный. Девушки его не любили. Но задержалась Аня в том подмосковном доме на несколько месяцев. А потом кто-то, уезжающий то ли из города, то ли из страны, предложил Никите закончить рекламный ролик про пиццу. Дал какие-то копейки. Никого, кроме Анны, он нанять и не смог бы. А она... Она же мастер эффектных появлений. Тогда она сделала эти свои несколько минут... Пиццу, может, и не заметили, а ее – да.

Очень даже заметили.

Вскоре она снимала нормальную квартиру, у нее появились другие предложения, Никиту не бросала, как талисман, что ли. Но встречалась с нормальными мужиками. Никита держался за нее, как за золотую рыбку. А когда в жизни Анны появился Артем и в связи с этим у Никиты дорогие заказы, дела его пошли в гору. Анна обалдела, заглянув к нему посмотреть новый дом. Особняк не хухры-мухры. Тогда она и заметила, как он раздобрел, как остекленели глаза, как он зашевелил некогда жалкими, нелепыми усами. И что интересно: совершенно забыл, с чего все начиналось. Анна не бросает его сейчас с его роликами только потому, что даже мысленно не называет себя любовницей Артема. Она ему пока никто. И она как раз никогда не забывает, что и как начинается. Вернуться в то прозябание – запросто. Причем именно Никита скажет ей в самый трудный час, что она больше не справляется с его планкой, что постарела, и возьмет другую. Он уже в струе: поток таких заказов не остановится.

Анна посмотрела своему отражению в глаза. То ли зеркало на ее столике грязное и туманное, то ли действительно устала, то ли мысли у нее совсем не победные. Да, она все время готова к поражению. И глаза в зеркале сейчас стали совсем узкими, как щели между бревнами в том старом сарае, в который может швырнуть ее жизнь. А надо стараться. Бить лапками по молоку, как лягушка в сказке, чтобы взбить масло, выйти на свет. Она беспощадно смыла с лица грим и пот горячей водой, придвинула к себе гигантского размера косметичку и принялась за работу. Allez! [1 - Вперед, марш! (фр.)] Сейчас эффектный выход. Она едет в офис Артема. Наверняка увидит там и Дину.

Глава 10

Анна плыла по будничному рабочему коридору. Люди торопились, о чем-то переговаривались, коротко здоровались или прощались... В общем, обычная контора. Разница лишь в том, что эти люди не замечали Анну, которая плыла, походка от бедра, разодетая и разукрашенная. Она была в этом буднем дне похожа на марсианку. В любом другом месте на нее бы таращились. Для этих людей марсианки – привычная, чаще всего розовая и уходящая натура. Они – журналисты. Только за это стоит их ненавидеть. И за то, что они Артему свои, а

Анна по-прежнему чужая. И за то, что Дина – одна из них.

А вот и она. Выходит бледная, без грамма макияжа, куртка с капюшоном, как у гнома. Она тоже Анну, конечно, не видела, хотя шла по узкому коридору навстречу. Отлично, что не видела. Анна смотрела на нее ненасытно, как на главного врага и причину всех проблем. Между бровями у Дины резкая морщинка. Рот, такой красивый на экране, сейчас плотно сжат, как у партизанки на допросе. Под глазами – тени. Не нарисованные тени, а те, которые оставляет бессонная ночь, или боль, или страдание, которое страшнее любой боли. Анна старательно запоминала эти подробности. Это ей пригодится. Если день окажется плохим, если вечер и ночь не получатся, как она задумала, если Артем отшвырнет ее планы, как мусор под ногами, она будет вспоминать то, что сейчас запомнила. Ее это спасет.

Артем не удивился, не обрадовался, просто никак не отреагировал. Кивнул на стул, не прекращая разговора по телефону. К нему приходили, уходили, а она так и торчала, ни на минуту не забывая о прямой спине, никому не интересная, как фонарный столб. В какой-то момент ей стало так обидно и горько, что она мысленно встала и громко хлопнула дверью, уходя из его кабинета. Она увидела, как он вздрогнет от стука, как что-то свалится на пол, в идеале разобьется... Она с того своего несчастного детства так натренировалась, что теперь постоянно приходилось сдерживать силу рук и ног, чтобы ничего не разрушить... И Артем растерянно посмотрел бы на пустой стул. И понял бы, что может никогда ее не увидеть. Дело было в том, что он позвонил секретарше и попросил кофе: «Двойной, покрепче». Секретарша, которая знает, что у него сидит Анна, видимо, уточнила: «Два кофе?»

– Ты что, уснула после обеда? Я сказал: двойной, а не два! Как всегда, в это время. И быстрее, мне некогда. Сейчас пятиминутка.

Он совершенно забыл об Анне. Даже хуже: она просто для него не существовала. Она до соленого вкуса крови закусил губу, отодвинула на когда-то, на потом свои мечты о гордом уходе и продолжала ждать. Артем провел пятиминутку, которая длилась минут сорок. Он уходил, возвращался, он кого-то вызывал, кого-то отчитывал, кого-то хвалил... Он только Анне не сказал ни слова даже по ошибке. Она тут была не нужна, и он не собирался тратить на нее даже полсекунды. Дело вообще шло к ночи. Анна думала уже только о том, как здорово, что у нее отличный тонус мочевого пузыря и опыт многочасовых съемок, когда массовку гоняют по холоду в разных костюмах. Не хватало еще

нарисоваться в приемной или коридоре с вопросом: «А где у вас туалет?»

Люди заходили все реже, телефоны вообще умолкли. Зашла попрощаться секретарша. Артем ей кивнул. И, лишь когда Анна уже начала с тоской смотреть на диван и когда ей больше не нужны были ни лучший на свете мужик, ни победа, вот тогда Артем встал, и, как интересно, он щелкнул пальцами в ее направлении, как будто подзывал собаку.

Они поехали, но не сразу к нему домой. Сначала заехали в какую-то квартиру, где было много людей, накрыт стол, но Артем коротко переговорил с серьезным, седым человеком о делах, Анна уже не понимала ни слова. Он уже повернулся к выходу, взяв ее за локоть, но тут седой человек попросил его подождать, быстро пошел в комнату, а вернулся с белой розой, которую вручил Анне. От неожиданности и потрясения у Анны задрожали губы, и она даже «спасибо» не смогла сказать.

– Мы здесь Восьмое марта отмечаем, – улыбнулся седой хозяин дома. – Смешной праздник со смешной историей, но пьем мы за женщин, а это святое. – Он поцеловал Анне руку.

И они с Артемом поехали по ночной Москве. Улицы уже опустели. Анна нашла на розе твердый шип и сознательно колола им палец, чтобы весь этот день, вечер и ночь не казались странным сном. Вдруг Артем молча припарковался у маленького цветочного магазина, который еще работал. Так же молча вышел... А вернулся с корзиной бордовых, бархатных роз. Анна почувствовала, как расширяются и округляются ее глаза. Он поставил корзину на заднее сиденье, сел рядом и сказал:

– Извини, не напомнили бы, сам бы сроду не вспомнил. Выпьем за тебя, за женщину дома. Там и поздравлю.

И он наконец посмотрел на нее. Да, она ждала не напрасно. Господи боже мой, у нее до утра столько времени. Она умелая, страстная и... ой, да он ей нужен! И не только потому, что это самый классный мэн на свете. Он ей просто нужен. Его руки, его запах, его взгляд и голос. Она хочет... Просто обычное утро, проблемное и серое, даже бедное, как у мамы. Но чтобы он точно был рядом. Она бы варила щи, стирала носки и чистила его туфли. Она любит его туфли. Она любит? Это оно?

И все было как в самых смелых ее мечтах. Такая ночь, такой секс, такая уверенность в том, что она всего добилась. Что утро будет новым и ясным. Аня глубоко вздохнула и спрятала в подушку счастливый вздох. Лежала так в изнеможении долго. Прогоняла сон. Услышала, что Артем встал. Хотела попросить его, чтобы принес ей воды. Но не было сил ни на слова, ни на движения.

Его как-то слишком долго не было. Неужели он не устал? Неужели пошел работать? Скоро рассвет... Аня встала и тихонько, босиком пошла к его кабинету. Дверь приоткрыта, свет горит. Да, работает. Надо подойти, обнять, уговорить вернуться в блаженный покой. Так мало осталось часов на двоих. Он ее послушает. После того, что было. Она ступила на порог и остановилась в недоумении. Он не сидел за столом. Он стоял посреди кабинета и сосредоточенно, напряженно смотрел на телефон, который лежал на журнальном столике ручной работы. Артем специально заказал такой столик, высокий, с бортиками, деловой и чем-то похожий на цветок на тонком стебле – для телефонов. Он решительно шагнул, взял айфон в руки, нажал вызов.

– Не разбудил? Я так и подумал, что ты не спишь. Да нет, ничего не случилось. Просто я на работе совсем забыл, что сегодня Восьмое марта, у нас же нет выходных. Тебя не поздравил. Неважно, Дина, смешной или не смешной это праздник. Это просто повод сказать тебе, что ты удивительная женщина, что ты единственная, что скоро утро, а тебе пора спать. Не грусти, дорогая. Все у тебя будет хорошо. Уж я-то знаю. Целую. До встречи. Твой Пигмалион.

Анна ни о чем не думала. Она просто стояла босиком на пороге из дерева, которое, наверное, дороже, чем вся ее жизнь, и летела в свою пропасть – без света и воздуха. Что написано на роду, то можно убить только вместе с собой.

Глава 11

Дина устало улыбнулась телефону, после того, как ее только что, среди ночи, поздравил Артем. Праздник. Он обычно шутил над этим праздником, говорил, что в этот день все мужчины должны последними словами ругать Клару Цеткин за создание дня «женского пролетариата». Одна женщина – это проблема, а «женский пролетариат» – это чума на свободе. А тут позвонил, просил не

грустить. Сказал, что все будет хорошо. «Целую. Твой Пигмалион». Мило. Дина и не грустит. Она просто не знает, с чего начать. Так долго она жила, себя не чуя. Работала, любила Лорда, заботилась о нем. И вдруг, через два года после убийства Вадима, как будто вышла из сплошного тумана, отряхнулась от липкой влаги, вычесала ее из волос, промыла слезами глаза. Выстроила в уме то, что знала, и оказалось, что она не знает ничего. Она не знает, кто и за что мог убить Вадима. Она не знает его жизни до их встречи. Она не знает, что, кроме нее и работы, было в его жизни, когда они поженились. Как он шел к этим выстрелам в спину? За пять минут до того, как Дина упала на колени перед его телом, она бы совершенно убежденно сказала, что у Вадима нет и не может быть врагов. Она так, кажется, и сказала полиции. В результате они особенно и не искали.

Тот вечер... Она в черном платье, которое прислал Артем, стоит перед своим любимым огромным зеркалом. В нем отражается не она, а олицетворение их с Вадимом любви, надежд, будущего... Стоп! Стоп, этот кадр! Точно ли в зеркале отражалась только их с Вадимом жизнь? Эта женщина в черном, с голубыми звездами у сердца – не была ли она олицетворением еще чьей-то любви? Жестокой и властной. Артем прислал в этот день ей именно черное платье. Сегодня он попросил не грустить и пообещал, что все будет хорошо. Он знает. «Твой Пигмалион». Боже, туман был спасением. Она, кажется, сходит с ума, если смогла такое предположить... Артем – не убийца, он интеллигентный благородный человек, просто с очень сильным характером. Они расстались по обоюдному согласию, он этого хотел, как и она. Не хотел бы – не отпустил. Она слабее. Он, конечно, хотел... Артем, с его непостижимо сложной душой и непредсказуемым полетом мысли. Теоретически именно такой мужчина мог выпустить на волю именно такую женщину, как она, чтобы она хлебнула этой воли досыта... И вернулась покорной Галатеей.

Мозгу Дины не хватает силы, пронительности, изощренности, чтобы понимать Артема, как она понимала Вадима. А собственно, что она понимала в Вадиме? Его влюбленность? Его корректное и удивительное отношение к тому, что она делала? Это все! Она больше ничего не успела о нем узнать. Вадим с ней даже не говорил о своей первой жене. Просто сказал, что был брак. Сказал, потому что они шли регистрироваться. Она бы и так узнала. Но это же странно. Она не задавала вопросов, считая, что сам расскажет, когда посчитает нужным. Но и он не задавал вопросов, а она все рассказала о жизни с Артемом.

Дине стало душно, виски сжало, в голове пылал пожар. Как вернуть туман, как уйти от того, с чем она не справляется. Дина бросилась в ванную, включила

холодную воду и сунула голову под кран. Волосы и струи обняли ее пылающее лицо. Легкие задышали, будто корка в пустыне под ливнем. Дина выпрямилась, набросила на голову полотенце, как платок: по-деревенски, концы завязала на затылке. Посмотрела в зеркало, подумала, что так она выглядит девочкой-школьницей. И глаза такие, как будто они еще ничего не видели, жизнь только предстоит. И это может быть страшная жизнь. Дина была осторожной и грустной девочкой...

Она пошла бездумно в мокром наполовину халате, обнаружила себя в комнате Лорда... Не зажигая свет, чтобы его не разбудить, встала перед обнаженной стеной. Мысль была ясная, четкая, всего одна. Если бы зеркало по-прежнему тут висело, она бы в нем увидела подсказку. Или путь. Но зеркала не было.

После убийства Вадима ее несколько дней терзала полиция дурацкими вопросами. Как всегда. Какие враги? Был ли у нее кто-то на стороне? Ревновал ли он? Был ли кто-то у него? Лезли в его компьютер и телефон. Спрашивали про Артема. Даже являлись к нему на работу. Он отказался приезжать в отделение. Пришли такие надутые, в довольно большом количестве, сказали секретарше, чтобы не пускала никого. Разговор займет не меньше часа. А вылетели, как из пушки, через десять минут. Кто они и кто Артем... Он одной кнопкой вызовет любого министра или прокурора. Не потому, конечно, что такой серьезный журналист, а потому, что настоящий магнат. Все заглохло, как и ожидалось. Дине сказали, что Вадима, скорее всего, бандиты перепутали с кем-то другим. Вроде бы в их доме жил член ОПГ, который примерно в это время скрылся. Дина была рада, что все это кончилось. В неумной фразе «все равно не вернешь», возможно, единственно верный смысл для ее ситуации. Но почему время ее не успокоило? Почему ничего не прошло? Почему именно сейчас кажется, что это важнее всего: знать, кто убил Вадима? Риторические вопросы. Ответ ясен до вопроса: потому что она жива, а не умерла вместе с ним.

Через несколько дней после похорон Дина с Лордом просто проходили мимо зеркала. Обычно, медленно, спокойно... Они сначала ничего не поняли, оказавшись под дождем из миллионов мелких сверкающих осколков. В полной тишине зеркало в тяжелой дубовой раме, так тщательно укрепленное на стене, сорвалось и рассыпалось в воздухе, упало на них зеркальными лепестками. Что это было? Дина не может понять до сих пор. А тогда ее поразило больше всего, что не только на шкуре Лорда, но и на ее лице и голых руках не осталось ни царапины. И когда она эти горы блеска выметала отовсюду, когда собирала просто в ладони, тоже ни разу не порезалась и крови не было. А у нее такая

тонкая кожа.

Только сейчас она поняла. То был знак от Вадима. Он просил ее – идти по осколкам до правды. Как это сделать? Это другой вопрос. Главное, система – идти по осколкам. Их легко найти по боли. Тот осколок, который в сердце поворачивается иногда, и есть начало пути.

Глава 12

Анна поставила машину у небольшого строения в одном из переулков тихого центра. Это был скромный, недорогой и страшно симпатичный, необычный дом. Деревянный, по крайней мере, так обшит снаружи, одноэтажный, с экзотическими мансардами на плоской крыше. У него не было строгого стиля. Он представлял собой что-то среднее между традиционным маленьким поместьем старой России и японской минкой. И вывеска была из русских слов, украшенных элементами японских иероглифов. «Японская лавка. Лучшие блюда из морепродуктов. Самый изысканный десерт».

Машин в это время во дворе было мало. Для быстрого завтрака по пути на работу здесь хорошо, но слишком дорого. Для тех, кому есть что жалеть. Анна, не выходя из машины, открыла свою небольшую сумочку от Нины Риччи, подарок Артема, привезенный из Парижа. Посмотрела и жалко улыбнулась, чтобы не заплакать. Да, как всегда. Аккуратная пачка денег. По виду даже больше, чем обычно. Так ведь Артем обещал поздравить ее с праздником. Чертовым праздником любимых и купленных женщин! Эти категории никогда не смешиваются. Позади у них не такой уж маленький по нынешним временам опыт почти совместной жизни. Она – постоянная женщина Артема как минимум полтора года. Не живут официально вместе? Так муж и жена тоже не всегда живут вместе. Многие супруги встречаются так, как они, даже реже, бывает, десятилетиями или всю жизнь. Им это удобно, уже не нужны перемены ни в образе жизни, ни по составу...

Вот в сумке лежит аккуратно сложенная причина, объясняющая отсутствие какой-либо стабильности ее связи с Артемом. Да, была ночью любовь-морковь, страсть, но Анна и сейчас больше всего на свете хочет варить ему щи и чистить туфли. Она их по-прежнему любит, его туфли. Любит... Пора мозгам и сердцу

привыкать к этому слову, жесточайшему из всех. Слову-пытке. Он утром расплатился с ней именно за ночь, как в первый раз, как с девушкой, снятой на сеанс секса, слово «проститутка» ей было больно произнести даже мысленно. Столько времени вместе. Ему самому удобнее было бы просто переводить ей на карту какую-то определенную сумму раз в месяц. Именно так делают мужья и постоянные любовники. Но Артем педантично расплачивается за ночь. Не потому, что жадный и боится переплатить за лишнюю ночь. Ночь после ее отставки. Он как раз достаточно щедрый. Просто не вкладывается в неперспективные проекты. В бездарные ролики Никиты вкладывается, хотя начинал это делать просто как помощь ей в заработке, но теперь понял, что есть спрос и доход. А в нее не вкладывается. Нет у него самого спроса на такую женщину, на такую мастерицу эффектных появлений...

Грусть-тоска такая, хоть в Москва-реку машину направляй. Красиво уйти на дно. Так он и не узнает, возможно, куда Анна подевалась. Только мама будет безутешно плакать. И Валечка, которая так ее всегда ждет... Об этом даже думать невозможно. О том, чтобы так обидеть и причинить лишнюю боль этой девочке, что родилась не такой, как все. Когда Валя была маленькой и Аня носила ее на руках, она ведь ей первой сказала «мама». Она и сейчас думает, что у нее две мамы. Две женщины на этом свете, которым она нужна. И папа, который так перерабатывает и устает, что выполняет только техническую роль. Отремонтировать кресло-коляску, сбить кроватку, отнести уже немаленькую дочку из одной в комнаты в другую, в ванную, на балкон, во двор. Папа, который так сильно кашляет по ночам, что мешает всем спать...

Анна щелкнула замочком сумки. Эффектно вышла, хотя зрителей и не было, эффектно пошла от бедра к входу в лавку. Бросила небрежно на бортик в раздевалке свой серебристый песцовый жакет, пошла, не оглядываясь. Она – постоянный клиент и почти подруга владелицы. Села за свой столик у окна, где занавески с российским орнаментом из кружева так стильно гармонировали с дивными, таинственными японскими веточками, на которых редкие и неправдоподобно красивые цветы. Она издалека кивнула менеджеру, который неторопливо направился в кухню. Через пять минут ей принесут ее неперенный гранатовый сок в высоком бокале, теплые греночки, обсыпанные соленым миндалем, шарики из лепестков сыра с начинкой из кусочков краба. Конечно, настоящий японский кофе с шапкой взбитых сливок, фрукты в желе. Какое пирожное принесут, Анна никогда не знает. Это будет подарок Людмилы, владелицы лавки.

Ожидая заказ, Анна перевела на карту матери все, что оставалось у нее на карте. Себе она ночью заработала... Она доедала тающее во рту пирожное, когда за столик присела Людмила, как всегда, безупречно причесанная, в простой удобной одежде... От нее просто шла волна порядка, равновесия, уверенности. И силы.

– Ну как? – спросила она, кивнув на тарелку с последним кусочком пирожного.

– Как... Спрашиваешь. Стараюсь язык не проглотить. И больше не просить. Мне на тренировку, на съемки и все такое...

– Да, – кивнула Людмила. – Калорий ты получила достаточно. Сможешь – приезжай на обед или ужин. За мой счет. Бонус постоянному клиенту в честь вчерашнего праздника. Как провела?

– Хорошо. Даже отлично.

Вдруг последний кусочек воздушного пирожного застрял у нее, что называется, поперек горла. Она не могла ни сделать глотательное движение, ни вздохнуть. Какой-то странный спазм, как будто ей на шею петлю набросили. Людмила внимательно смотрела, как она с этим справляется. Потом налила ей в стакан из-под сока воды из кувшина, который всегда стоял на столе. Анна глотнула, задышала, глаза ее были полны слез.

– Вкусное у тебя пирожное, Люда, – сказала она. – Это и был мой праздник. Как было бы здорово подохнуть от этого последнего кусочка. Люда, я хочу послать и тренировки, и съемку. Позвоню, скажу, что ногу растянула. У меня такая роль – метлой можно заменить. Отведи меня в свою мансарду, помнишь, я там как-то у тебя спала, принеси мне столько водки, сколько надо, чтобы стать бесчувственной, как пень. И все забыть. Тебе виднее, сколько надо.

Глава 13

Дина хорошо и четко отработала в этот день. Быстро со всеми попрощалась и понеслась домой на перекладных. Она всегда торопилась к Лорду. В этот день

было что-то еще. Работать вечером она не собиралась, у нее окно. Но она знала, что должна спешить для чего-то важного. Дину почти все знакомые считали умной. Но она сама была уверена, что это великое преувеличение. Не дура, конечно, нормально образована. Но без выдающихся данных. Обычный, организованный мозг. Великих открытий не сделает, гениальных истин после себя не оставит. Ей дано ловить лучшее и самое интересное. Она может выразить мысль, возможно, действительно лучше многих. Но тут не в уме дело. Нерв! Постоянно натянутый, чуткий, на все реагирующий, причиняющий нестерпимую боль или – вдруг, неожиданно – только ей понятную радость. Он эгоистичен и нетерпим. Чаще всего требует ее уединения, из-за него ей скучно на самых веселых вечеринках. Он заставляет ее плакать, когда она этого не хочет. Усталая и подавленная, она может танцевать под незнакомую мелодию, на которую случайно наткнется в поисках информации в интернете. Или мурлыкать песенку из детства, ранней юности, которую, казалось, давно забыла. Возможно, конечно, это все ее фантазии, о нерве-повелителе, оправдывающие то слабость, то нерешительность, то страх, то слишком отчаянную смелость, которая может привести к беде. Она постоянно слышит после записи: «Ну ты выдала. Как ты не боишься?! Это же отмороженный козел, ему все сходит с рук. И, говорят, он уже не одного журналиста того...» Да она боится больше всех на свете. У нее всего пара рук, и нет рядом никого из родных людей. Вообще никого у нее нет. А дома беспомощный Лорд. Если что-то вдруг... Он погибнет. Или Артем его усыпит. Когда вскроют дверь. И девушка ждет ее в тюрьме. Что Дина может? Но ведь вдруг сможет! Какая-то капля всегда бывает последней в любом преступлении... И это может быть именно Дина. Еще то, ради чего она сейчас так бежит домой. К Лорду она успевает, можно не лететь сломя голову... В чем дело, она поймет на месте.

Она вошла в магазин рядом с домом. На автомате взяла в разных местах обычный набор продуктов. На выходе посмотрела налево: там аптечный киоск. И быстро подошла, купила несколько тюбиков аскорбинки. Весна, авитаминоз, а ей нужно много сил. Почему-то именно сейчас понадобились дополнительные силы. Она обычно никогда и ничего для себя не покупает в аптеках. Только для Лорда.

Дома тоже все было, как обычно. Только, когда они с Лордом ужинали на кухне, она выпила большую чашку крепкого кофе. Никогда не пила его, если не собиралась работать. А сегодня свободный вечер.

Дина уложила Лорда, убрала квартиру, долго и старательно терла себя мочалкой в ванне. Кожа стала ярко-розовой и горела. Она обдала себя сильной

струей холодного душа. Встала затем, обнаженная, у зеркала и гладко зачесала назад свои густые темно-русые волосы до плеч, затем заплела их в толстую, короткую косичку и стянула ее резинкой. Когда завязала на талии пояс хлопкового вафельного голубого халата, опять долго мыла руки, как хирург перед операцией.

И лишь после всего этого Дина спокойно вошла в гостиную и зажгла настольную лампу на письменном столе Вадима. До сих пор она только стирала пыль со стола, лампы и его компьютера. Ни разу ей не приходила в голову мысль его включить. Нет... Приходила... После того, как там порылись следователи. Ей захотелось войти в этот еще живой мир мертвого Вадима и все стереть. Чтобы больше никому было неповадно. Он был таким... Он все хранил в компе, смеялся, что разучился писать слова и цифры совсем, трудно расписываться на документах. Ничего не перебрасывал на айфон, потому что телефоны могут потеряться, а у него важные материалы.

Вход у него с паролем. Его знала только Дина. Она тогда отказалась сказать его ментам, закрыла ладонью и набрала сама. А пароль до смешного простой, детский. Наверное, его подобрал бы школьник. Просто они придумали его вместе. Когда все у них было вместе. Он набирал, она сидела у него на коленях, они целовались. Dinettasan555. Вот такой пароль они придумали. Пятерки, потому что она всегда была отличницей. И когда она хотела тогда войти, чтобы стереть все материалы, ее просто скрутила острая физическая боль. Болело неизвестно что и все. Дыхание перехватывало. Это нельзя, поняла она. Это кошмар. Компьютер – это жизнь человека, его дела, мысли и тайны. Когда человека нет, это разъяренный монстр, защищающий то, что нужно теперь только мертвому, с яростью преданного пса. Так тогда ей показалось.

А сейчас она спокойно и сосредоточенно села за стол и начала разбираться в электронном рисунке оборванной жизни. Раз ее так тянет, значит, это возможно и есть путь к правде. Нужна ли ей эта правда? Она что, убивать пойдет врагов Вадима, если чудом вычислит? Она, которая сжимается от страха, если чувствует запах алкоголя от соседа с первого этажа, когда он что-то ей говорит, пьяно улыбаясь в лицо?.. Да, она думает, что кто-то, кто на нее особенно зол, однажды может кинуть этому деградировавшему существу небольшую сумму, и он, который ей улыбается, не задумываясь, пробьет голову Дины лопатой или ломом. Это ведь обычно так и бывает, и нет другой версии, и отсидит он к своему удовольствию на всем готовом. Нормальному человеку тюрьма хуже смерти, а такому – его среда.

Пьяный сосед – это одно. Ее дело, миссия – другое. Да. Если нужно, она убьет. Ее нерв скажет, нужно или нет. Главное, дойти до разгадки.

Глава 14

Анна открыла глаза. Она, одетая, лежала на удобном и забавном сооружении, которое наверняка было сделано под японскую кровать, какую-то национальную лежанку. В комнате, нежной, яркой и женственной, значит, такими бывают просто комнаты – для женского покоя и радости – у этих японцев, горел мягкий, как будто теплый свет, а у окна, распахнутого настежь, стояла Людмила.

Она смотрела, как поднимается вверх, пробивая ночную тьму, дым от ее очень крепкой сигареты. Анна удивленно и заворуженно слушала, как эта Людмила, у которой, казалось, не было ничего в жизни, кроме железного порядка, – как она негромко, но очень точно, выразительно и страстно поет своим низким голосом:

– «Он – капитан, и родина его Марсель. Он обожает спор, и шум, и драки. Он курит трубку, пьет крепчайший эль. И любит девушку из Нагасаки»[2 - Песня Владимира Высоцкого «Девушка из Нагасаки»].

Анна дослушала до конца. До того конца, который в детстве заставил ее рыдать. Когда «джентльмен во фраке, однажды накурившись гашиша, зарезал девушку из Нагасаки». Дальше «уходит капитан в далекий путь и любит девушку из Нагасаки... И вспоминает карие глаза и бредит девушкой из Нагасаки».

– Люда, – позвала она. – Как красиво ты поешь, я не знала. А я долго спала?

Людмила медленно повернулась к ней и внимательно посмотрела, улыбаясь дружелюбно и немного насмешливо.

– Ты вообще не спала, Аня. За кого ты меня принимаешь. Думаешь, тебе на самом деле принесли ведро водки, как ты просила? И ты вырубилась, как пьяный извозчик?.. Нет, дорогая. Я дала тебе не так много настоящего саке, самого дорогого, чистого, как слеза японского ребенка. И ты перестала мычать, как больная корова. Это ты как раз пела о девушке из Нагасаки, я просто

заразилась. И ты не просто пела, ты, как она, танцевала джигу «в кабаках». Я смотрела как спектакль. И даже подумала вот о чем. Чем ты занимаешься?.. Какую мерзость ты людям впариваешь по телику! Ты похожа на японку, у тебя есть артистический талант. Сгноит ведь тебя твой козел Никита. Я, пожалуй, найму пару нормальных людей, они поставят тебе настоящее шоу, под японский саксофон.

– Ой! Да? Артем...

– Без всяких Артемов. Мне это самой окупится.

– Но я спала, Люда! Я ничего не помню.

– Ты спала ровно пять минут. И выспалась. Цвет лица как у человека, глаза не похожи на дырки, которые слезоточат. Знаешь, я этого не выношу. Не жалко, а именно терпеть не могу.

– Ты никогда не плачешь?

– Нет!

Анна встала, подошла к небольшому круглому зеркалу на стене.

– Слушай, да... Вроде бы я действительно так никогда не выглядела. Спасибо. Ты сказала, что саке – это дорого, у меня...

– Это в принципе дорого. Тебе бонус, как я и обещала. А что у тебя в сумке, ты показывала. Сначала пела про кораллы, алые, как кровь, и шелковую блузку цвета хаки, а потом трясла пачкой, которой с тобой расплатился за ночь Артем. Хотела выбросить ее в окно. Я не дала. Мы можем разобрать твоего Артема сейчас на косточки, не найти в нем ни одного чистого кусочка, из-за которого стоило бы так убиваться, потом плюнуть и растереть... Но деньги есть деньги. Ими не бросаются. Как заработала, так заработала. А что хотела не денег, а любви, так это твои проблемы. К сожалению. Ты проголодалась?

– Ты знаешь, да.

– Сейчас принесу что-нибудь легкое и в то же время питательное. Ты утром будешь как новая. Пойдешь жить и все принимать, как есть.

Людмила вернулась с небольшим бамбуковым подносом. Они ели какое-то блаженство, запивали какой-то радостью. Это однозначно было время отдыха от всего, даже от себя.

– Он вообще приглашает тебя только на ночь? – спросила Людмила.

– Он вообще меня не приглашает. Он просто мне не отказывает, когда я звоню и приезжаю. Но вчера я ждала его целый рабочий день. Он работал, а я сидела, как истукан, меня никто там не видел, хотя я торчала посреди его кабинета. Спасибо, что не натыкались, не наступали.

– А ты кого там видела? – вдруг спросила Людмила.

– Да всех, наверное. Говорю же, практически с утра ждала Артема. Дину его видела, бывшую жену, звезду эфира, супер-пупер...

– И как она?

– Бледная до синевы. На лбу морщина, под глазами чернота. Косметики – ноль. А куртка на ней... Я бы в такой мусор не вынесла. – Анна выпалила все это с облегчением. Это и есть та минута, для которой она запоминала Дину в подробностях. Это даже лучше, чем она думала: не одна вспоминает в свой плохой час, а рассказывает подруге. Теперь-то Людмила ей точно единственная подруга.

– Плохо, говоришь, выглядела? – Глаза Людмилы сузились, как будто она рассматривала едкий дым своей сигареты, но сейчас она не курила. – Ну что же. За все в жизни надо платить. Несладко, видно, быть вдовой.

– Ты ее знаешь? В смысле не только по телевизору?

– Она отобрала у меня мужа. Еще до того, как он к ней ушел и на ней женился. Вадим – взрослый и умный мужик – полюбил картинку на экране. Я видела, но всерьез не принимала. Мы нормально жили, как все. Но он вдруг стал

невыносимым, только потом я поняла: он меня провоцировал на скандалы, хотел, чтобы первой бросила. Не вышло. Тогда он просто взял и ушел. И с работы хорошей ушел, нашим общим знакомым соврал, что его уволили с канала. С тех пор у меня нет больше знакомых. Всем он это врал. Потому что перешел к твоему Артему на гораздо меньшие деньги. А теперь его нет... Вот и скажи мне: виновата Дина или нет в том, что он убит, а моя жизнь – каторга?

– Виновата, – с ненавистью выдохнула Анна.

Глава 15

Людмила уехала из своей лавки, когда Анна уже крепко и сладко спала. Было уже за полночь. Когда-то Людмила вводила круглосуточный режим работы. Это было выгодно по деньгам, несмотря на то что требовало большего количества сотрудников и оплату ночных смен. Вскоре она этот режим отменила. После первой драки клиентов с поножовщиной. Ей не нужны такие проблемы. Не шалман открывала. Так поналезет все ночное отребье, пойдут наркотики в ход. За этим не уследишь. Тем более сама она никогда не оставалась на ночь. Это было железное правило: спать в своей кровати и со своим мужем. Даже тогда, когда это стало чистой условностью. Она ложилась, а Вадим садился за письменный стол. Ничего необычного в этом она не видела: у него действительно было столько дел, суток не хватало, – ничего особенного, кроме регулярности. Она – не Барби, хлопающая вставными глазами, она и не большой психолог, конечно, просто женщина с хорошо работающей сигнализацией. И сигнализация выла так, что лопались барабанные перепонки: «Он тебя не хочет, не хочет, не хочет». Людмила не делала из этого трагедию: все бывает у жены с мужем. Месяц не хочет, потом опять захочет. Вадим мужик порядочный, по бабам не бегает. Так оно и случалось. Вадим к ней приходил... Но сигнализация! Люда видела, как он скачивал все передачи с Диной в свой компьютер. И как-то было понятно, что не для работы. Хотя ей сказал, что эта журналистка собирает хороший и самый свежий материал.

Но однажды, когда он, скажем так, выполнял свой супружеский долг, Людмила взглянула на его лицо с плотно закрытыми глазами... Ей страшно захотелось их выцарапать, эти глаза, и то, что они сейчас видят. Ничего подобного она, конечно, не сделала. Она поступила иначе.

– Ох, – вдруг сказала Люда. – Пусти на минутку. Извини, что так... Но до смерти захотелось покурить.

Вадим отстранился и посмотрел на нее удивленно. Она спокойно достала из тумбочки сигарету и зажигалку, откинулась на подушку, глубоко затянулась и с наслаждением выпустила колечки дыма практически ему в лицо. Она никогда не курила в спальне при нем. Держала сигареты как заправский курильщик, чтобы покурить на балконе, когда будет невтерпех. Обычно когда мужа не было дома. Он хотел что-то сказать, но, взглянув ей в глаза, все понял и просто кивнул, повернулся спиной.

Так они объяснились. После этой ночи Вадим прекратил ненатурально заводится из-за немытой тарелки или неубранной квартиры. Вызывать жену на скандал было уже бессмысленно. Вадим предложил ей развестись. Никак не объяснял, то есть сказал: «Так будет честнее». Людмила сразу согласилась. Он собрал небольшой рюкзак и однажды утром уехал совсем. Квартиру при разводе, который ускорил по своим каналам, оставил ей, у него была однокомнатная квартира бабушки.

В первые дни или даже месяцы Людмила в прямом смысле рвала на себе волосы, билась головой о стенку. По ночам ей было вроде ясно, что виновата она. Что придумала несусветную блажь с этой влюбленностью мужа в женщину на экране телевизора. Да если бы все бабы были такими сумасшедшими, ни одной семьи бы на свете не осталось. Она ведь сама его отталкивала, как могла... Из-за такого бреда.

А потом узнала, что он женился на Дине. Он получил свою игрушку. Людмиле осталась ее отличная сигнализация. Людмила жива, как это ни тяжело иногда или всегда. А он...

Дома Людмила сразу упала на кровать, сбросив на коврик одежду. Теперь ясно, что все легче, чем борьба с враждебной ночью. Легче провести на ногах двенадцать часов, легче взобраться на высокую вершину, легче соревнования по борьбе, стрельба в тире и... наверное, на настоящей войне. Там, где видишь того, кого побеждаешь или убиваешь. А своих поражений она не боялась. Собственную смерть никто не видит. Но истязание темной мукой, которую ни достать, ни развеять, ни выгнать в окно, ни отскрести с пола, стен и потолка... Разве что спалить вместе с собой. И тут внезапно Людмила уснула. Провалилась в сон без видений, открыла глаза, когда луч солнца лежал на полу, как светло-

рыжий котенок. Людмила подошла к окну: солнце совсем раннее, далекое-высокое.

Она успела умыться, одеться, когда раздался звонок в дверь. Людмила открыла, уверенная в том, что это кто-то из соседей. Больше некому. И застыла в изумлении. На площадке стояла Дина.

– Доброе утро, Людмила. Извините, что так рано. Боялась вас не застать. Мы можем поговорить немного? Ой, я не представилась.

– Этого и не нужно, – улыбнулась Людмила. – Я смотрю телевизор. Заходите, Дина. Не ждала, честно. И, еще честнее, обошлась бы. Не люблю ничего ворошить. Но раз пришли... Милости прошу.

Глава 16

Анна выпалась, как королева. Если, конечно, все королевы хорошо спят. Утром сквозь Людмилины бамбук, веточки, скромные и ослепительные по красоте цветы, каких вроде не бывает, в ее мансарду прорывалось совсем весеннее, яркое солнышко. Анна смотрела на окно и вспоминала свой предутренний сон. Может, это был не сон. Она просто видела, как танцует на небольшом подиуме в зале этой японской лавки. Она видела свой костюм, высокую прическу с гребнями и заколками-палочками в густых волосах, слышала томный стон японского саксофона. Ей было хорошо, как никогда в жизни. За все время отношений с Артемом она впервые столько часов о нем не думала. Она не была прикована мыслями к нему, будто к позорному или не позорному столбу. Танцевала и отдавалась музыке. Свободная и прекрасная как цветок...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Вперед, марш! (фр.)

2

Песня Владимира Высоцкого «Девушка из Нагасаки».

Купить: https://tellnovel.com/ru/mihaylova_evgeniya/moe-uslovie-sud-be

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)